

Элина Лунева

Настенька

Элина Лунева

Настенька

«Автор»

2023

Лунева Э.

Настенька / Э. Лунева — «Автор», 2023

Главная героиня этого романа в свои тридцать пять лет, казалось, имела всё для счастливой жизни: яркую внешность, уверенность в себе, образование, прекрасную работу, удачно складывающуюся карьеру, деньги и успех. Но, увы, в её жизни не было счастья. Ни надежного мужчины, ни друзей, ни детей, ни семьи она не нажила. Осознание того, что время и возможности упущены, а свою такую короткую жизнь она прожила не так, как хотелось бы, пришло уже слишком поздно, когда очнувшись в новом теле юной пятнадцатилетней девушки, она поняла, что та прошлая жизнь безвозвратно потеряна, и изменилась не только она сама, но и мир вокруг стал совершенно другим.

© Лунева Э., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	28
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	47
Глава 9	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Элина Лунева

Настенька

Пролог

Меня зовут Анастасия, мне тридцать пять лет, и я умерла, кажется...

Хотя, я и сама не совсем уверена в последнем.

А как хорошо начинался день. Я встала с утра пораньше в приподнятом настроении, приняла душ, сварила кофе, сделала неброский макияж и начала одеваться на работу.

Сегодняшний день был для меня особенным. Первый день, когда я в новой должности руководителя отдела. Пять долгих лет ждала я этого назначения. И вот наконец-то он настал этот долгожданный миг.

Новая должность, новый оклад, новая мотивация, новый кабинет с новым креслом и целый отдел подчиненных. Наконец-то!

Войдя в холл престижного бизнес центра, я летящей походкой от бедра прошествовала к лифтам. На мне красовался новенький строгий деловой костюм и дорожные туфли на высоких красных шпильках, на которые я потратила два своих оклада менеджера.

Войдя в общий кабинет отдела продаж, я обвела всех присутствующих довольным взглядом и проверила наличие всех сотрудников на своих рабочих местах. Теперь это был мой отдел и мои сотрудники, а значит, теперь я отвечала за дисциплину в коллективе и показатели продаж всего подразделения.

На меня уставились двенадцать пар настороженных глаз. Смотрели мои подчиненные напряженно и с опаской. Это было понятно. Ведь большинство сотрудников не обрадовались моему назначению на пост их руководителя. Одинокая, разведенная стерва – людоедка, которую бросил муж спустя полгода супружества. Ни детей, ни друзей, ни мужчины у меня не было. Карьера, карьера и ещё раз карьера, это все что меня волновало после кошмарного развода.

Мне было двадцать два года, когда я вышла замуж за Андрея. Мы учились вместе в институте, и после его окончания, он сделал мне предложение. И все было хорошо, как мне казалось на тот момент, пока мы вместе не устроились работать в одну и ту же организацию.

Теперь, оглядываясь назад, я отчетливо понимала, что именно с этого момента наши отношения дали трещину. Чем больше у меня получалось на новой работе, тем хуже становилось настроение моего мужа. А проблема заключалась в том, что эта работа была не для него, ему вообще трудно давалась профессия маркетолога. Я же ощущала себя как рыба в воде, наслаждаясь тем, что делала. Рекламная индустрия была моей мечтой. Но каждый раз, возвращаясь домой, Андрей срывался на мне за все свои промахи и неудачи. Он злился и винил во всех своих проблемах меня, а спустя пару месяцев и вовсе уволился.

С этого момента в наших отношениях произошел тот самый переломный момент. Он начал пропадать вечерами с друзьями, не ставя меня в известность, где он и с кем. Стал выпивать. Работу новую искать Андрей не торопился. И вот в один прекрасный день, а точнее раннее утро, он явился сильно пьяный и весь в губной помаде. Это было последней каплей. Я тихо собрала свои вещи и ушла из квартиры, которую мы снимали вместе. А уже на следующий день я подала документы на развод.

Было очень горько и очень больно. Он был моим первым парнем, моей первой любовью. Даже теперь, по прошествии этих тринадцати лет, у меня больно щемило сердце при воспоминании о нём. Вот так разбиваются мечты, вот так рушатся надежды, вот так люди становятся злыми и черствыми, бесчувственными и холодными. И я со временем стала такой. Прошла

любовь, тоска и боль сменились обидой и призрением, а уже на смену им пришли холод и безразличие.

И вот теперь перед вами стояло то, что получилось в итоге. «Стерва – людоедка» – такое прозвище дали мне коллеги. Они думали, что я не знаю, но я все слышала. Я знала, что про меня говорят окружающие, какие сплетни вокруг меня ходят. «Холодная, бесчувственная, фригидная стерва» – такую характеристику дала мне одна из моих коллег на последнем корпоративе. Она думала, что я не услышала. Но у меня со слухом всегда было все хорошо.

Сегодня эта самая стерва-людоедка стала руководителем отдела. Конечно, недовольных было более, чем достаточно. А точнее, никто не обрадовался такому назначению. Сотрудники весь день награждали меня хмурыми взглядами и натянутыми улыбками. Я не обращала внимание. Казалось, ничто не может испортить моего хорошего настроения. Даже звонок генерального директора с просьбой съездить вместе с ним на встречу с очередным заказчиком, не испортил мне настроения.

Я шла через дорогу к своему припаркованному автомобилю, который оставила на противоположной стороне дороги. И вдруг, совершенно неожиданно, моя правая нога куда-то провалилась, и каблук моих дорожных туфель застрял в решетке сливного канала.

Ох, только не это! Не хватало ещё испортить новенькие туфельки или того хуже, сломать каблук. Ну, давай же, давай!

Я начала судорожно дергать ногой, но мой красненький каблук не поддавался, оставаясь в тесном капкане решетки.

Вдруг из-за поворота совершенно неожиданно выехал мусоровоз и начал на довольно приличной скорости сдавать назад, прямо на меня. И почему-то в этот момент у меня даже и мысли не возникло вынуть ногу из туфли и броситься бежать. Я же, наоборот, принялась интенсивнее дергать ногой, дабы вытащить уже свой многострадальный каблук. А затем меня накрыла тьма...

Мне снился странный сон. Я лежала на вытоптанном со следами лошадиных копыт, поле. Туман клубился вокруг меня странными причудливыми завитками. Темное ночное небо искрилось миллиардами звёзд. Прохладный ветерок обдувал лицо и охлаждал кожу.

Несколько раз моргнув, я приподнялась и огляделась. Слева чернел тёмный лес, деревья которого казались сухими и безжизненными с острыми сучьями и непроходимой чащобой. Справа виднелась река, обрывистые берега которой были довольно круты и высоки, чтобы на них можно было взобраться с воды. Сама же река была довольно широкой, и вот странность, вода в ней словно бурлила и кипела, и была она какого-то странного цвета, иссиня-чёрного с редкими переливами чего-то красного.

Стоя на высоком берегу, я опасливо взглядела в чёрные бурлящие воды и, судорожно сглотнув, испуганно попятилась прочь. Даже и думать не хотелось, что будет, если коснуться хоть кончиком пальца этой жуткой шипящей жидкости.

Повернувшись лицом к темному лесу, я неприятно поёжилась, вглядываясь в пугающую мглу. Вот было у меня ощущение, что этот лес не такой простой, как впрочем и река, что осталась за моей спиной. И, словно подтверждая мои мысли, где-то в глубине темнеющей чащобы зажглась сначала одна пара красных огоньков, затем вторая, третья, четвертая...

– Господи, боже..., – в ужасе прошептала я, пятясь назад и останавливаясь на самом краю обрыва.

Обхватив свои плечи руками, я судорожно пыталась унять дрожь, что начала бить моё тело, при виде того, что стало происходить далее. Из мглы мрачного леса появился всадник, облачённый в тёмный латный доспех, голову и лицо которого скрывал глубокий капюшон. Его конь степенно вышагивал, высоко поднимая копыта и с глухим стуком ударяя ими по утоптанной земле, отчего всё вокруг содрогалось.

Вслед за всадником из чернеющего леса появились и другие существа, также облачённые во всё темное, но они были уже пешими. Сначала показался один ровный ряд воинов с пиками и мечами, затем второй, третий... Казалось, что им нет конца и края...

Всадник поднял свою руку вверх и чуть привстал в стременах своего коня. Воинство, безропотно повинуясь приказу своего господина, остановилось и замерло.

– Подойди, дочь моя! – услышала я низкий жутковатый голос, от которого меня стало колотить ещё сильнее.

Я с ужасом стала наблюдать, как жуткого вида всадник, чуть тронув своего коня, сам начал приближаться ко мне. Тело моё в испуге дёрнулось, но ноги словно приросли к месту, не давая возможности сдвинуться.

– Не гоже навьей дочери испытывать страх перед своим князем, – в голосе всадника прозвучала укоризна. Он сделал пас рукой, и совершенно неожиданно паника отступила, и меня накрыл полный абсолютный пофигизм.

– Так-то лучше, – прошелестел низкий голос с одобрением, – Теперь, слушай, навья дочь. Я призвал тебя из мира усопших, дабы восстановить миропорядок. Ответь же мне на вопрос. Хочешь ли ты жить?

Я с непониманием уставилась на странное существо и медленно заморгала.

– Да, конечно. А разве я не жива? – вырвался у меня удивленный возглас.

– Теперь жива, – удовлетворённо кивнул этот, так называемый, князь.

Он поднял свою голову и посмотрел на светлеющее небо. Его конь неодобрительно фыркнул и нервно переступил своими копытами.

– Тебе пора, – указал он в сторону реки, – Иди и постарайся выжить.

Я обернулась и посмотрела на бурлящие чёрные воды. И словно опережая мой вопрос, как по волшебству, из ниоткуда, материализовался мост.

К моему горлу подступила тошнота, когда я смогла разглядеть, из чего он был сложен. Человеческие кости и черепа были прочно скреплены между собой и связаны, образуя крепкую переправу.

Я нерешительно обернулась, но лишь услышала:

– Иди же, иначе будет поздно, тебе нельзя здесь оставаться дольше положенного.

Я опасливо развернулась и сделала робкий шаг к мосту. Невидимая сила подтолкнула меня в спину, заставив зашагать по переправе, словно на чужих деревянных ногах, а в следующий момент в нос ударил едкий запах испарений от бурлящих вод реки. Как же воняет, и даже не так, а смрадит.

Оказавшись на долгожданном берегу, я устало перевела дыхание, а обернувшись, обнаружила, что жуткий мост исчез, как и зловонная река с противоположным берегом. Голова моя закружилась, ноги подкосились, а мой разум поглотила тьма.

Глава 1

Тук – тук, стук – постук,
Раздается сердца стук.
Или в двери кто сучит?
Тьма за окнами стоит.
Ледяная ведьма ходит
Средь болот и средь лесов,
Жертву новую находит,
В его жилах стынет кровь.

Вам когда-нибудь снились кошмары, в которых вы видели себя мёртвым? Мне никогда раньше ничего подобного не приходило во сне. Но вот сегодня...

Кошмар мой начался с того, что до моего сознания начали долетать некие странные песнопения. Это было больше похоже на какие-то молитвы или молебны, но это сопровождалось странным женским завыванием и плачем.

Тьма продолжала окутывать меня. Всё мое тело словно сковало холодом и льдом. Я не могла пошевелиться и открыть глаза. Тело словно придавило какой-то тяжестью. Руки и ноги совсем онемели.

Как сквозь толщу воды до меня долетали обрывки фраз низкого мужского голоса, который пробасил надо мной:

– Прими душу рабы твоей, Анастасии...

Эй? Что за дела? Какую душу? Кто прими? Зачем? Не надооооооо!

Страх закрался в моём сознании, и я судорожно начала вспоминать последние события, произошедшие со мной.

Так, помню свой новенький кабинет, потом звонок директора, затем застрявший каблук и... Мусоровоз!

Охренеть! Меня сбил мусоровоз?! Я что, умерла?! Да как так то?

Какая нелепая смерть...

А тем временем где-то рядом слышались ещё голоса:

– Отмучалась болезная, – услышала я мужской голос с сильным деревенским акцентом и с характерными ударениями на гласные в словах.

– Вот как хоронить-то без отпевания? – спросил кто-то уже женским голосом, также с ярко выраженным оканием и аканием.

– А где я тебе священника найду? Ты Матрена думай, что говоришь-то, – вздохнул мужчина. А затем, немного помолчав, спросил у своей собеседницы, – Как хоть она померла-то?

Послышался тяжелый вздох, и женщина с надрывом произнесла:

– Так утопла, сиротинушка, – проговорила она и со всхлипом добавила, – Видно судьбинушка у неё такая. Пошла к полынье с коромыслом, а лед-то и подломился. Мужики двое дён вылавливали из воды-то.

– Да, зима нынча такая, лед не встал ешо, – проговорил мужчина задумчиво, а затем добавил, – Значит, сегодня и схороним, чего ждать-то. Я уже мужикам сказал и могилу вырыть.

– Ох, видно на роду у них написано всем кануть, – проговорила с грустью женщина, – Родители от холеры померли, братья от червухи, а она утопла несчастная. Подумать только, никого не осталось из Прохоровых.

– А может и к лучшему? – спросил мужчина, – Сама подумай, каково живется девке в свои пятнадцать лет с такой-то рожей.

– Трифан! – одернула его женщина.

– Чего Трифан? – возмутился мужчина, – Девка на выданье уже почти, а не один парень ни в жизнь не взглянет. Одна только парша на лице чего стоит.

Та-а-а-к! Какая парша? Какая девка? Какие пятнадцать лет? Что вообще происходит?

Я умерла или нет? Почему я все слышу? И почему я почти не чувствую своё тело?

А может, это всё сон? Кошмар такой?

А между тем, раздался протяжный скрип и звук приближающихся шагов.

– Давай, выноси покойницу, – проговорил кто-то.

Затем подо мной все зашаталось и закачалось, а следом меня всю окутал ледяной холод, пробирающий до костей.

Эй? Лю-ю-д-и-и! Я не умерла! Я жива! ЖИВА!

Я пыталась кричать, звать, даже плакать. Моя голова разрывалась от осознания происходящего.

Меня понесли хоронить, мать их за ногу! Но я же живая!

Через какое-то время я услышала, как что-то деревянное грохнулось над моей головой, а затем послышался звонкий звук удара молотка.

– Нееет! – закричала я что было силы, и сама испугалась звука своего голоса.

Меня прорвало! Наконец-то! Я слышала свое свистящее прерывистое дыхание, слышала, как заскреблись мои ногти о деревянную крышку гроба, вгоняя занозы в мои пальцы, слышала, как кто-то испуганно вскрикнул и ойкнул. А затем наступила зловещая тишина.

– Нееет! Пожалуйста! – услышала я свой собственный плач, – Я жива!

– Мертвячка подымается! – закричал вдруг кто-то, а затем раздался оглушительный визг десятков женских голосов и испуганные вопли мужиков.

– Закапывай скорее! – услышала я чей-то испуганный голос.

– Нет, сначала надо бы кол осиновый забить в грудь, – ответил кто-то.

– Святой водой окропить, а потом кол, – согласился кто-то третий.

– Нет, лучше на кострище, да боюсь, не управимся засветло, а по темени боязно...

Вдруг раздался чей-то звучный глубокий голос:

– Угомонитесь оглашенные! Христа на вас нет, – проговорил он укоризненно и громко, что все вокруг сразу умолкли, – Давай ребята, снимайте крышку.

Снова воцарилась жуткая тишина. Я даже сама на некоторое время затаилась и будто бы перестала дышать. Как мне было страшно.

Боже, я только сейчас почувствовала, что способна двигаться, а также ко мне медленно возвращалось зрение. Все чувства моего замерзшего тела обрушились на меня разом. Сильнейший озноб колотил всё мое тело. Я дрожала и скреблась о деревянную крышку гроба, все глубже вгоняя занозы под свои ногти.

Звенящую тишину вдруг нарушил испуганный возглас:

– Вот ты, Данила, и сымай, если такой смелый, – проговорил кто-то.

Затем послышался недовольное тихое ругательство, потом дерево над моей головой скрипнуло и затрещало. И тут мне в лицо ударил свет и ледяной холод.

– Ох, – послышался общий испуганный вздох.

Я сощурилась и часто заморгала, пытаясь разглядеть столпившихся рядом со мной людей.

А затем снова с разных сторон раздались испуганные вопли:

– Мертвячка! Подымается!

Глава 2

Первое, что я увидела, когда пришла в себя, это низкий тёмный закопчённый потолок. Лёгкий запах дымка окутывал помещение, где-то приятно потрескивали поленья. Совсем рядом слышался плач ребенка и тихий спокойный разговор мужчины и женщины.

– Послушай, Матрён, мы не можем оставить её у себя, – проговорил мужской голос едва слышно.

– Ты что, Макар, не уж-то предлагаешь мне выставить девчонку, да после всего того, что с ней было? – печально спросил женский голос.

– У нас и так ртов хватает, так ещё одну корми, – недовольно пробухтел мужчина, – Как придёт в себя, пусть к себе воротится. Изба Прохоровых пустая стоит, вот пусть и живет в своём доме.

– Да, нежели ж так можно, Макар? – возмутилась женщина, – Молодая девка будет жить одна – одинешенька? Всякий обидеть может. У нас лихих парней много...

– Не бойсь, – перебил её собеседник, – Никто её не тронет, побоятся. Все и так наш дом теперь стороной обходят, говорят, что мы ведьму пригтели. Никто к ней не сунется.

– Не могу я так, Макар, – женский голос дрогнул, – Жаль сиротку, теперь совсем ей жизни не дадут в селе. Раньше и то ей было не житьё, все сторонились из-за её парши на лице. А теперь, как поднялась из гроба, так красавицей сделалась, так теперь ведьмой прозвали, вурдалачкой.

– Матрёна, – тихо зашептал мужчина, – А вдруг и впрямь ведьма? Где это видано, чтобы из гроба покойник вставал, да и ещё и так изменялся?

– Не ведьма она, – укоризненно проговорила женщина, – Не верю я в это. И тебе запрещаю так говорить.

– Ладно, – обрубил разговор мужчина, – Как очнётся, так чтобы духу её в доме не было, вот тебе моё слово последнее.

На это послышался тяжелый женский вздох.

Я медленно заморгала, удивляясь странностям услышанного разговора. И принялась разглядывать окружающее меня пространство.

Я лежала на широкой деревянной лавке возле огромной деревенской печи, от которой шло приятное тепло. Тело мое затекло и заныло, лежать на жесткой деревянной лавке было довольно неудобно и непривычно. Я попыталась приподняться и оглядеться вокруг.

Вдруг из-за темного угла выскочил странного вида мальчонка лет примерно девяти-десяти. Он был одет в какую-то старомодную одежду, серую рубаху, напоминающую косоворотку, широкие штаны, а на ногах лапти. Ого! Вот так прикид!

– Мама, мама! Ведьма проснулась! – заголосил пацаненок звонким голосом так громко, что я поморщилась и, приняв положение сидя, зажала руками уши.

На крик ребенка выбежала миловидная женщина и тут же дала малышу хороший такой подзатыльник.

– Мишка, стервец, что ещё за слова!? Чтоб я больше такого от тебя не слыхала, даже в шутку, – строго проговорила она, оперев руки в бока.

Я принялась внимательно рассматривать незнакомку. На вид ей было примерно лет тридцать или даже тридцать пять. Она выглядела немного полноватой, с большой грудью и приятным открытым лицом, а волосы были спрятаны за неброским сереньким платком. Её теплые карие глаза смотрели с теплом и добротой, а на лице застыла какая-то усталость. Одета женщина была в свободную льняную блузку и длинную свободную юбку, подпоясанную широким

толи фартуком, толи просто тряпкой или даже полотенцем. А на ногах у женщины красовались не что иное, как лапти.

Я что, попала на какую-то тематическую вечеринку или квест? Что за маскарад?

Я одарила её скептическим взглядом, а потом переключила своё внимание на интерьер помещения, в котором оказалась. И то, что я увидела, медленно и верно ввергло меня в шок.

Я находилась в небольшом доме, вернее в деревенском доме, а точнее избе. На эту мысль меня навели темные бревенчатые стены, деревянные полы и темный закопченный потолок. Рядом со мной стояла огромная печь на полдома. Она была аккуратно промазана светлой штукатуркой или глиной, я в этом не разбиралась совсем. И судя по тому, что от неё шло приятное тепло, стояла она в этом доме совсем не для антуража. Два маленьких деревянных окна с резными ставнями, были темны, и это наводило на мысль, что за окном или вечер, или даже ночь. В правом углу под потолком висели небольшие образа, а точнее иконы. Горящие по углам лучины тускло освещали помещение своим мягким приятным светом. В центре комнаты стоял грубо сколоченный стол, а рядом примостились деревянные лавки.

Неприятное предчувствие поползло по моей спине липким холодком.

Это что, такая шутка? Где я вообще находилась? И что это за люди?

Женщина продолжала внимательно за мной наблюдать. А я не нашла ничего умнее, как напрямую обратиться к незнакомке:

– Вы кто? И что это за место? – вонзила я в женщину свой взгляд, и вдруг сама испугалась звука моего голоса.

Это что? Это я сейчас сказала?

Мой голос совершенно мне не принадлежал. Он был каким-то детским и звонким. Где прокуренные нотки с хрипотцой? Где уверенность и резкость?

Я свесила с лавки свои ноги и в неверии уставилась на них, а затем перевела взгляд на руки. Потом вскочила и стала себя лихорадочно ощупывать. Лицо, тело, руки и ноги, даже волосы. Все было другим!

У меня было тело подростка! Фигура подростка! Детские руки, детские ноги. Сейчас я была худой, даже тощей. И грудь!? Боже! Куда подевалась моя грудь четвертого размера? Сейчас я никак не могла её отыскать на своём костлявом теле. Я трогала свою микроскопическую грудь, наверное, размера второго, а может даже первого, через многочисленные складки этого непонятного огромного балахона, что был надет на меня.

– Что вы со мной сделали? – в ужасе просипела я севшим голосом, – Что происходит? Что со мной?

Я вскочила на ноги и начала метаться по помещению, спотыкаясь и задевая на ходу все подряд.

Женщина ошарашено уставилась на меня, в изумлении закрыв ладонью свой рот.

А тем временем моя паника всё нарастала и нарастала. Я в истерике метнулась к первой попавшейся двери и выскочила в какое-то тёмное и холодное помещение. Затем была еще одна дверь, и вот я уже мчала по тёмной холодной улице, не понимая, где я и куда бегу, да и зачем.

Всё что сейчас было у меня в голове, это паника, сплошная паника!

Не знаю, как далеко я смогла убежать, но в конечном итоге мои ноги запутались в длинном подоле этого безразмерного балахона, и я растянулась на чём-то холодном и обжигающем.

Я зажмурилась и просто лежала и тяжело дышала. Медленно разлепив свои глаза, мой взгляд уткнулся в тёмное синее небо, и миллиарды звезд рассыпались по этому ночному небосклону, словно яркие мерцающие бриллианты.

Холод начал проникать в каждую клеточку моего тела, постепенно возвращая мне способность мыслить. И вдруг я поняла, что лежала на голом снегу, а тело моё странным образом не ощущало этот пронизывающий холод. Наоборот, эта прохлада морозной ночи обволакивала меня и убаюкивала.

Совсем рядом со мной раздался какой-то звук, напоминающий хруст или скрип снега. Я повернула голову и уткнулась взглядом в чьи-то меховые сапоги. Затем послышалось какое-то ругательство, и вдруг чьи-то теплые руки подхватили меня и куда-то понесли. Первое и последнее что я запомнила, это теплое приятное дыхание на моем лице и горячие широкие ладони на моем теле. А дальше был полный провал.

Проснувшись я от сильной жажды. Пить хотелось нещадно. Я долго лежала, боясь открыть глаза, и прислушивалась к окружающему меня пространству. Где-то рядом раздавались незнакомые странные звуки. Точнее не так, звуки-то как раз я узнавала. Просто то, что я слышала, мне совсем не нравилось, ведь чем больше я прислушивалась, тем хуже мне становилось. Тяжелые мысли вновь заполнили мою голову. А слышала я не что иное, как пение петухов, а также мычание коров и лай собак.

Я открыла глаза и напряженно уставилась взглядом в потемневший деревянный потолок.

– Да чтоб тебя! – выругалась я каким-то слащавым незнакомым детским голоском, отчего подскочила и села на деревянной лавке.

– Блин, это уже не смешно, – вновь сердито выругалась я и огляделась вокруг.

Я снова зажмурилась и глубоко задышала, стараясь успокоиться. Я все надеялась, что вот сейчас открою глаза, и все вокруг изменится, что я очнусь на больничной койке где-нибудь в подмосковной больничке.

Я постаралась дышать ровно и спокойно, насколько это вообще было возможно в моем состоянии. Но страх не проходил, да и странные звуки вокруг меня не замолкали.

Я медленно открыла глаза и снова выругалась. Ничего не изменилось вокруг. Да что же это такое!

Я встала и, покачиваясь, пошла к двум маленьким окошкам, возле которых стояла деревянная лавка. Опершись на неё коленом, я прилипла носом к холодным маленьким мутным стеклышкам и остолбенела. За окном раскинулась толи деревня, толи село. Снег пушистыми шапками покрывал крыши маленьких изб, из труб которых шел дымок. По улице носились детишки, и звонко лаяли собаки. Вот две странно одетые женщины прошли мимо куда-то с коромыслами и ведрами. Вот какой-то мужичок вел под уздцы лошадку, которая устало тащила за собой сани с сеном. Что? Лошадь? Коромысла?

– Ммммм, – глухо застонала я, и на меня снова накатила паника. Моё горло запершило, во рту пересохло окончательно, и я закашлялась.

Отвернувшись от окна, я бегло окинула помещение взглядом. Затем увидела в уголке возле двери деревянную кадучку с небольшим деревянным черпаком. Я тут же бросилась к живой влаге, что плескалась внутри, дрожащей рукой зачерпнула полный ковш и принялась жадно пить воду. И тут, вдруг краем глаза я увидела своё отражение в воде и замерла. На меня смотрела хрупкая девушка с почти детским узким бледным лицом, обрамленным длинными тёмными вьющимися волосами. Небольшой аккуратный нос, высокий красивый лоб, а также тёмные длинные ресницы и красиво-очерченные брови выделялись на бледной чистой коже. И лишь впалые щеки и темные круги под глазами портили весь облик, делая его каким-то неестественным, даже призрачным, каким-то не живым. Единственное, что ярко выделялось на фоне всей этой блеклости и бледности это глаза, они ярко блестели и переливались. Они были большие и ярко-синие.

От всего увиденного я совсем потеряла остатки здравомыслия. Ведь это была не я, совсем ничего общего со мной. Куда подевалась я настоящая?

Я снова глухо застонала, и деревянный ковш с громким стуком упал на деревянный пол, и остатки воды расплескались в разные стороны.

На шум откуда-то поспешно вышла женщина и испуганно уставилась на меня. Я обернулась и ответила ей не менее настороженным взглядом.

– Настенька, – тихо позвала она, медленно приближаясь. И меня вдруг осенило, что она обращалась ко мне. Ведь я была тоже Настенька. Правда меня так звали только родители, и то это было в далеком детстве.

– Это вы мне? – нерешительно поинтересовалась я, и снова удивилась звукам своего голоса.

– А кому ж ещё, – всё также вкрадчиво говорила женщина. Она остановилась в нескольких шагах от меня и задумчиво покачала головой.

– Кто вы? И где я нахожусь? – решительно поинтересовалась я у незнакомки, и снова обернулась, оглядывая небольшой деревянный дом.

Женщина снова приложила ладонь ко рту и с выражением глубокой задумчивости на своём лице вновь покачала головой.

– Макар, – как-то надрывно позвала женщина, – Макарушка!

Из-за угла показался мужчина, при виде которого у меня расширились глаза, а точнее от лицезрения его внешнего вида. Это был невысокий косматый, бородатый мужичок среднего возраста и крепкого телосложения. Он был одет в широкие штаны и рубаху-косоворотку.

Приплыли. И этот одет не пойми как. Какое-то наваждение или помешательство.

Но что-то мне подсказывало, что это был не сон и вовсе не бред сумасшедшей, ведь я отчетливо разглядывала каждую деталь, мельчайшую подробность в их внешнем виде и интерьере.

На какой-нибудь квест это тоже было мало похоже. Уж слишком все было реалистично, слишком правдоподобно.

Так, значит, дурдом и ролевуха отпадают. Что тогда? Что остается?

Мне было даже страшно подумать, даже не так, страшно допустить мысль о реальности всего происходящего сейчас со мной. Мне проще было признать, что у меня съехала крыша ко всем чертям, нежели признать тот факт, что всё это происходило со мной по-настоящему.

– Бред какой-то, – тихо простонала я и устало прикрыла глаза рукой.

– Макарушка, – всхлинула женщина, – Она меня не признает!

– Кхм, – послышалось чье-то кряхтение, – Настенька, девонька, – обратился ко мне мужчина, – Скажи-ка нам, ты узнаешь нас с Матрёной?

О боже! Они действительно обращались ко мне, и на полном серьезе ждали от меня ответ. Вот черт!

– А...эм... ну... – начала я мямлить неопределенно, – Не узнаю, если честно, – наконец выдавила я из себя.

– Святые угодники! – ошеломленно выдохнула женщина.

– Матрёна! – одернул её этот Макар, и вновь обратился ко мне, – А как зовут тебя, и кто ты, ты помнишь?

– Ну... в общем... нет. Не помню, – честно призналась я, чем сильно удивила этого самого Макара.

– Н-да, – растерянно крякнул мужичок и сел на лавку возле стола, – Ну вот что, девонька. Зовут тебя Настёной Прохоровой. Ты дочка Марии и Семёна Прохоровых. Твои родители год назад преставились от горячки, а оба брата осенью от червухи. Ну а ты...

На мне его повествование как-то резко оборвалось, он помрачнел и глубоко задумался.

– Короче, сирота ты теперь, Настенька, – проговорил он удручённо.

Он говорил, а я начала припоминать разговоры, которые уже слышала сквозь сон и жар горячки. Или это был не сон?

– Пойдите, – торопливо произнесла я, – Меня же чуть не похоронили!

Глава 3

Я сидела за столом и тупо пялилась в пространство невидящим взглядом. Наверное, я так сидела уже довольно долго, даже возможно несколько часов, так как услышала встревоженный голос женщины.

– Настенька, ну не надо убиваться-то так, – всхлипнула она, понимая, что я не реагирую на её слова и вообще веду себя как-то странно.

– Подождите, – только и смогла выдохнуть я, – Мне нужно подумать.

Да, а подумать было над чем.

Первое, я – это была уже не я, а какой-то другой человек. Я то и дело зрительно цеплялась взглядом за эти тонкие худые ручки с детскими длинными пальчиками и маленькими аккуратными ноготочками. И голос мой был другим и тело, и даже волосы.

Второе, я попала в какую-то ни то деревню, ни то село. Но это село было не простым, а каким-то допотопным, не современным что ли. Ну, если я смогла переместиться в чужое тело, то почему бы не переместиться и в другое время? Логично? Логично. Ох, голова кругом пошла от всех этих мыслей. Попахивает психушкой.

Третье и самое главное, что теперь делать? Мало того что я не знала толком кто я теперь такая, так я ещё и не знала куда я попала, кто эти люди и вообще.

Голова начала сильно болеть, в висках застучало, словно отбойным молотком. Мне все больше стало казаться, что я сошла с ума, и это моя разыгравшаяся фантазия так изощренно со мной шутит. Голова резко закружилась, и я вдруг почувствовала, как на мои сложенные на столе руки упало несколько горячих алых капель.

– Ах ты ж, божечки! – вскричала женщина и метнулась из дома.

Не прошло и несколько секунд, как женщина вернулась в дом с полным ковшом снега.

– На-ка, приложи, – засуетилась она вокруг меня, – Кровушку остановить надобно.

Я посмотрела на растёкшиеся красные капли на руках и на столе, и меня вдруг накрыло понимание. Это не сон, и не сумасшествие. Это всё реально!!!

Я зачерпнула полную ладонь снега и приложила его к своей переносице. Странно, снег не показался мне холодным и обжигающим. Он был прохладным и только. Он даже почти не таял в моих руках. Какой странный у них тут снег. Но развить дальнейшие мысли по этому поводу мне было некогда.

– Значит, меня зовут Анастасия, – решила уточнить я, утирая лицо снегом от кровавых подтеков. Кровь уже не шла, да и чувствовала я себя уже лучше.

– Да, Настенька ты, Прохоровых дочка, – кивнул мужичок.

Я положила комочек снега на стол и стала наблюдать, как он начал медленно таять, превращаясь в розовую лужицу. Все-таки странный у них тут снег, в руках не тает, а на столе и в ковше растаял.

– Сколько мне лет? – снова спросила я.

– Так пятнадцать, – ответила женщина, и торопливо спросила, – Неужто совсем ничего не помнишь?

Я посмотрела на неё мрачным взглядом и отрицательно качнула головой.

– Совсем ничего, – утвердительно произнесла я, а потом снова заинтересовалась, – Что это за место? Где я вообще нахожусь? И какой сейчас год и месяц?

Мужчина, который всё это время стоял молчаливой тенью в сторонке, решил-таки поучаствовать в разговоре:

– Село Грязное, январь, год 1050 от Рождества Христова.

– Тааааак, – протянула я. Только этого ещё не хватало, – Какая страна? – и, увидев непонимание во взглядах своих собеседников, добавила, – Какое государство? Кто правит здесь?

– Так князь правит, – как само собой разумеющееся проговорил мужичок.

– Какой князь? Имя? – проговорила я нетерпеливо.

– Димитрий Ярый, он же Онежский, – получила я долгожданный ответ.

Я лихорадочно начала напрягать память. Так, Великая княгиня Ольга правила с 945 года, кажется. Владимир крестил Русь в 988 году, это я помнила точно. После него правил Ярослав Мудрый вплоть до 1054 года. А они мне тут про какого-то Димитрия Яркого говорят. Хм... Это какая-то другая Русь, и Русь ли вообще? Или месторасположение иное, или альтернативный мир? Скорее всего.

Я снова внимательно огляделась вокруг. Так, образа и иконы православные в правом углу избы, это раз. Медные крестики на местных аборигенах, это два. Речь русская, хоть и устаревшая, но однозначно русская, это три. Одним словом всё-таки Русь-матушка, но какая-то другая. Видимо, всё же альтернативный мир. Ладно, разберёмся.

А дальше я всеми возможными способами выуживала из этих неразговорчивых людей нужную для меня информацию. Некоторые вещи меня сильно изумили, какие-то откровенно порадовали.

В целом, как оказалось, как такового крупного государства не имелось вообще. Были небольшие княжества и баронства, где правили князья и бароны. Онежское княжество было среднего размера, имело три крупных города и восемнадцать сёл. Одним из таких было село Грязное, в котором я и оказалась. Здесь жили люди вольные, то есть свободные. Хотя крепостное право или рабство все-таки в княжестве было. Только я пока не совсем поняла, рабство это было или крепостничество. Вот как-то так дела обстояли. Я же про себя искренне порадовалась, что оказалась свободной.

– Хорошо, – подытожила я, – Значит, жильём я обеспечена, в смысле дом у меня есть, и никто его отнимать у меня не собирается.

Женщина утвердительно кивнула:

– Прохоровых дом твой по праву. Свободная ты, значит, тебе и принадлежит. Из всех Прохоровых ты одна и осталась.

– Хорошо, – выдохнула я с облегчением. Жильем обеспечена, это уже решало много проблем. Осталось понять, чем жить? Как и на что существовать?

На следующее утро в сопровождении всё той же четы Семёновых, Матрены и Макара, я шла через всё село к своему новому месту жительства. На мне был тяжелый овчинный тулуп, одолженный у Матрены, плотный шерстяной платок и нечто напоминающее меховые сапоги или унты. Пока мы шли тихой процессией по улице, я видела, как люди останавливались, перешептывались и откровенно тыкали в меня пальцами, при этом крича что-то нелицеприятное. Н-да.

– Почему они на меня так смотрят? – спросила я нахмуренную женщину, – Я им что-то сделала? Что не так?

– Не обращай внимания, – сердитым взглядом окинул прохожих Макар, – Чего уставились? А ну-ка расступитесь, – прикрикнул он на толпу молодых парней, что перегородили нам путь.

Да, со мной явно было что-то не так, раз люди смотрели на меня такими испуганными и шокированными глазами.

– Матрёна, – потянула я женщину за рукав и повернула к себе, – В чём дело? Почему они так на меня смотрят?

Глаза женщины нервно забегали, а губы поджались, что по всем признакам указывало на то, что она не знает что мне ответить, а сказать правду очевидно не входило в её планы.

– Говорите, – жестко произнесла я, но из-за моего тонкого девичьего голосочка прозвучало это как-то не убедительно. И я взяла её руки в свои и крепко их сжала.

– Ты ж до смерти-то была совсем другой. Лицо словно в печи обожженное, паршой всё покрытое. А как из гроба поднялась, так кожа чистая, белая, ровная. Вот люди и боятся. Ведьма думают, вурдалачка.

Я на это только хмыкнула. Да, деревня полная суеверий и прочей ерунды. Хотя... Я же и впрямь из гроба встала. А если учесть то, что со мной произошло, то конечно получается мистика в чистом виде. И не удивительно, что люди остерегаются. Я бы тоже напугалась.

А тем временем мы приближались к окраине села. И я увидела дом, который принадлежал семье Анастасии Прохоровой.

Что ж, на первый взгляд домик показался мне маленьким и низеньким. Но это было лишь на первый взгляд и по меркам моего мира. Подойдя ближе, я увидела хорошую такую крепкую избу, с тремя небольшими окошками и резными ставнями. Невысокое, но довольно широкое деревянное крылечко примостилось с правого бока, а с левого что-то типа крытого двора или сарая, очевидно для хозяйственных нужд, а возможно даже для скотины.

– А что, у меня и скотина какая-то есть? – поинтересовалась я с испугом в голосе.

– Была, – согласно кивнул Макар, – Корову ещё твои братья продали. А у тебя осталась коза и пару десятков кур. Но после твоей..., хм, ну в общем, курей соседи разобрали, а козу староста взял.

– Понятно, – хмуро закончила я.

– Ну, ты это, не печалься, – потрепал меня по плечу мужчина, – Курей тебе соседи вернут, а про козу тебе надобно самой с Трифаном поговорить, авось и воротит.

– Трифан – это кто? – поинтересовалась я.

– Староста нашего села, Колобов Трифан Степанович, – с почтением произнесла Матрена.

– Понятно, – кивнула я. Ох ты ж, ну и имена у них тут у всех, как бы не запутаться.

А тем временем, мужчина ловко справился с нехилым таким замком на двери, я бы даже сказала с амбарным.

– Вот, – протянул он мне не маленький такой ключик от замка, – Ну хозяйюшка, заходи в дом.

Мы втроём вошли в темное и небольшое помещение, очевидно предбанник или, правильнее назвать, сени. В комнате чувствовался запах засушенных трав, и действительно, под потолком повсюду были подвешены пучки различных растений.

Следующая дверь вела уже непосредственно в дом, который представлял собой одно общее большое помещение, перегороденное на несколько частей одной большой печью. Таким образом получалось, что печь не только отапливала весь дом, но и разделяла его на две части. Первая, из которых представляла собой кухню со всеми её атрибутами. Здесь и печь растапливалась, и стол стоял большой кухонный, и утварь различная имела, а также стеллаж со всевозможным скарбом и посудой. В целом это помещение мне понравилось, здесь было уютно и по-деревенски очаровательно.

Вторая комната очевидно носила характер одновременно общей спальни, столовой, гостиной и детской. Эта комната мне не понравилась совсем, она была не уютной и перегружена унылой темной мебелью и сундуками. Ладно, разберемся со всем этим старинным барахлом позже.

– Ты давай, Макар, дров и воды натаскай, – толкнула в бок мужа Матрена, – А я пока снесь разложу, – проговорила женщина и начала распаковывать узелок, который принесла с собой.

Я внимательно посмотрела на её поклажу:

– Что это? Зачем? – стала я смущаться. Мне и так было жутко неудобно, что я почти двое суток проживала у них и обедала их семью.

– Я тут тебе немного еды собрала. А то и так тощая как жёрдочка, – грустно покачала головой женщина, – Вот тут маслище, медок, лепешечки, яички, капуста квашеная, – перечисляла женщина, раскладывая небольшие глиняные горшочки на столе.

Следующий пару часов я сидела неподвижной статуей на скамье и со странными чувствами наблюдала, как чета Семеновых развернула в моём, теперь уже, доме бурную деятельность. Макар принес дрова и затопил печь. Матрена подмела пол, принесла воды, и уже даже что-то кашеварила на печи.

Я же продолжала сидеть и ощущать себя совершенно чужой и не на что не способной. Хотя, в сущности, так оно и было на самом деле. Ведь я была уже не я, точнее не та я, какой я себя помнила. Я толком не знала, в какой мир я попала. Я не знала даже, кем теперь я являлась. Мне было известно только имя и то, что я была круглой сиротой.

Чем больше я думала о сложившейся ситуации, тем хуже мне становилось. Что делать мне в этом мире? Как выжить? Ведь я абсолютно не приспособлена к подобной жизни, я ничего не знала о ней и ничего не умела.

Уже ближе к вечеру, оставшись совершенно одна, моё моральное состояние скатилось в полнейшее уныние. Я медленно бродила по темному совершенно чужому для меня дому, разглядывая старинные непонятные предметы и всё больше и больше погружаясь в мрачные мысли.

Не улучшало настроение и полное отсутствие электричества. Лишь три лучины, горевшие возле печи, давали скудное освещение, наполняя избу страшными мрачными тенями.

– Божечки мои, – с тяжелым вздохом выдохнула я, закрыв лицо обеими ладонями, окончательно впадая в отчаяние.

Всю ночь я так и не смогла сомкнуть глаз, просидев до самого рассвета на полу возле печки, укутавшись в теплый овчинный тулуп Матрены. И только когда тусклое зимнее солнце заглянуло в маленькие окошечки избы, я смогла, наконец, задремать, свернувшись калачиком на широкой деревянной лавке.

Проснувшись я на закате. Точнее что-то громкое разбудило меня. И это что-то было не чем иным, как оглушительным стуком в дверь моего дома.

Ещё не до конца проснувшись, я села на лавке и долго и испуганно всматривалась в темноту. Кто-то так яростно барабанил в дверь, что казалось, что вся моя маленькая изба сотрясалась от этого напора.

Медленно приблизившись к двери, я нерешительно её отворила. Дверь громко и протяжно скрипнула, а я же чертыхнувшись, начала вглядываться в темноту сеней. Шум снаружи становился всё громче, а стук яростнее.

Тихонько скользнув в сени, я застыла у самой входной двери, из-за которой слышалось:

– Ведьма гулящая, а ну выходи! – раздались мужские голоса и, судя по возгласам и посыпавшимся далее в мой адрес выражениям, говорившие были сильно пьяны.

– Выходи, девка подзаборная, кому говорят! – продолжали кричать с той стороны, после чего снова слышались сильные удары.

Я с испугом прижалась к двери, которая на первый взгляд казалась довольно крепкой. Тяжелый металлический засов ходил ходуном, под яростным напором ломившихся, но всё же выдержал натиск непрошенных гостей. И уже через несколько минут шум стих, как и пьяные голоса.

Я еще долго стояла, прижавшись к двери, с бешено колотившимся сердцем.

– Здорово, просто отлично, – подытожила я немного позднее, когда смогла уже полностью успокоиться.

– И что теперь делать? – спросила я саму себя, – Ведь они могут вернуться в любой момент. Могут убить или изнасиловать.

Да, ситуация была на грани. Отчаяние новой волной захлестнуло меня. Все следующие долгие часы я, как ненормальная, металась по тёмной избе, ища хоть какие-нибудь подходящие предметы, чтобы защититься. В моём арсенале нашёлся большой тяжёлый топор, печной ухват с длинной ручкой, несколько тупых кухонных ножей также лежали наготове, был здесь и небольшой молоток.

Обложившись всем этим нехитрым оружием, лишь только на рассвете я смогла наконец задремать.

Проснувшись я через несколько часов. Солнце ещё не село, и мне выпал шанс наконец нормально рассмотреть свой новый дом при дневном свете.

Не теряя времени даром, я подбросила в затухающие угли новую партию дров, и отправилась осматривать своё новое имущество. Особо меня интересовала одежда, ведь ходить в сарафане и лаптях зимой мне совсем не хотелось. Да и убегать при необходимости в таком виде крайне неудобно.

Первый, открытый мною сундук порадовал меня несколькими отрезами грубо сотканного серого льняного полотна, тремя парами мужских сапог, и тремя овчинными тулупами, опять-таки мужскими. Ну конечно, ведь у Насти был отец и двое братьев. Эх, жаль, что никого из них не осталось в живых, была бы мне хоть какая-то защита и опора.

Второй сундук оказался доверху набит различными рукоделиями, начиная от красиво вышитых льняных скатертей и салфеток, заканчивая расшитыми рубахами и сарафанами. Нда, прям, как из музея народного промысла. Хорошенько порывшись во всём этом старославянском барахле, я отложила для себя пару плотных рубах без вышивок, а также пару длинных сарафанов, очевидно принадлежащих прежней Анастасии. Увы, но никакого нижнего белья или чулок я не нашла, зато заметила берестяную коробку, внутри которой оказались различные приспособления для шитья, если здоровенную иглу длиной в пятнадцать сантиметров можно было так назвать. Отдельно примостились небольшие клубочки с грубо скрученными нитками, в основном шерстяными.

Третий и самый большой сундук удивил меня наличием в нём небольшой тонкой перины и двух ярких лоскутных одеял.

Раздавшийся стук в дверь отвлёк меня от созерцания всего моего имущества и заставил не только неожиданно подпрыгнуть, но и ошутимо испугаться. Кто это ко мне пожаловал в гости? И с добром ли?

Схватив с лавки тяжёлый топор, я тихой поступью подошла к двери, ведущей в сени, и начала её медленно открывать.

– Твою ж..., – выругалась я шепотом, снова услышав громкий протяжный скрип здоровенных кованых петель. С этой дверью определённо нужно было что-то делать. От этого скрипа у меня все волосы на теле дыбом встают.

Вероятно, незванный гость тоже его услышал сквозь входную дверь, и подал голос:

– Настенька, это я, Матрёна!

– Фуууух, – облегчённо выдохнула я и положила на пол топор, попутно откидывая тяжёлый металлический затвор.

– Здравствуйте, Матрёна, – проговорила я ей устало и отошла от двери, приглашая гостью зайти в сени.

Женщина быстро вошла внутрь и поспешно захлопнула за собой дверь.

– Всю избу выстудишь, – объяснила она уже в доме и укоризненно посмотрела на весь тот бардак, что я учинила, производя ревизию имущества всех трёх сундуков.

– Мать твоя приданное для тебя собирала, – проговорила женщина печально качая головой, глядя на перину и стёганные одеяла.

– Ясно, – проговорила я. Теперь мне было понятно, почему перина и одеяла прятались в сундуках. Приданое моё это, значит.

– Ладно, Настёна, собирайся, к старосте пойдём, – проговорила женщина, деловито подвинув меня в сторону и начав аккуратно укладывать моё имущество в сундуки.

Глава 4

– Матрёна, могу я вам вопрос задать? – обратилась я к женщине, раздумывая, как бы разжиться нормальной одеждой.

– Вот третий день я тебя слушаю, и никак не уразумею, что говоришь. Иной раз вроде и по-нашему, понятно вроде бы, но всё чудно как-то, – хмыкнула женщина, снова окинув меня внимательным взглядом.

– Матрён, да говорила я уже, что не помню ничего. Ты лучше на вопрос ответь, – от волнения я неожиданно перешла на «ты», – Скажи, где бы мне можно было бы одежду прикупить или пошить? Ну, или обменять может можно на что-то из моего имущества, – неожиданно додумалась я, понимая, что скорее всего денег-то у меня и нет совсем.

Матрёна посмотрела на меня, как на душевнобольную:

– Где же это видано, чтоб девка себе обнови покупала? – возмущенно всплеснула руками женщина, – А руки то на что? У матери твоей в сундуках отрезы льна были, вот и шей.

Понятно. Видимо, здесь покупать что-то было не принято. Значит, придётся носить то, что есть.

– Матрёна, так мне бы тулупчик полегче, – сделала я как можно более наивное лицо, – Я как раз тебе твой вернуть хотела. Глядь, а у меня кроме мужских тулупов и нет ничего. На улицу не выйти, сапог тоже нет.

Женщина задумалась, а потом махнула рукой.

– Давай-ка полезай на сеник, – скомандовала она, деловито глядя куда-то на потолок, – Там твои, да матушки твоей и сапожки, и валенки, да и тулуп овчинный твой лежит. Я перед похоронами припрятала...

Женщина вдруг осеклась и потупилась, видимо имея в виду именно мои похороны. Помрачнела и я, вспоминая, как очнулась в гробу с закрытой крышкой. Судорога ужаса от всего пережитого пробежала по моему телу, и я нервно задышала, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

Видя моё состояние, женщина в последний момент успела подхватить меня, не дав повалиться на пол, и усадила на лавку, интенсивно растирая мои запястья и виски.

– А руки-то ледянущие какие?! – с ужасом принялась она тереть мои холодные ладошки, – Давай девонька, держись, не ровён час помрёшь ещё.

Я медленно приходила в себя. Матрёна подала мне полный черпак воды, и я жадно принялась пить, чувствуя, как с каждым новым глотком ко мне возвращались силы.

– Сейчас к старосте пойдём, по поводу козы говорить будем. Не робей, девка, глядишь, воротим скотинку. Всё ж молочком козым разживёшься, а то смотреть на тебя страшно, кожа да кости, – женщина тяжело вздохнула и удрученно покачала головой, – Да переодеть тебя надобно. Не дело молодой девке в мужских портах расхаживать.

Я торопливо опустила на себя взгляд и посмотрела на свои худые ноги с одного бока, затем с другого. И что не так? Эх, знала бы Матрёна, сколько времени мне потребовалось, чтобы ушить это безобразие и приспособить что-то вроде пояса, чтобы этот ужас с меня не сползал. В конечном итоге, на мне красовались широкие мужские штаны из плотного тёмно-коричневого сукна, тонкая рубашка, видимо предназначенная под сарафан, но использованная мною как нижняя сорочка. А сверху я натянула плотную свободную простую рубаху, грубо сотканную из серого льна. Она доходила мне до середины бедра и напоминала тунику. Финальным штрихом служил широкий коричневый пояс, он видимо шёл в комплекте с брюками, и который теперь плотно облегал мою узкую талию, тем самым ещё сильнее подчёркивая хрупкость юного девичьего тела.

А вот с бельём мне довелось повозиться часа три, не меньше. Конечно до шикарных изделий Victoria's Secret мне было как до Пекина в одной позе, но всё же это лучше, чем ничего. Ну не приучена я ходить без белья. На это дело даже пришлось пожертвовать одну из тонких расшитых скатёрток, мягкая и гладкая ткань которой лучше всего подходила для этих целей. На моё счастье или на печаль, на бюстгальтере получилось сильно сэкономить и время, и материалы, так как моя микроскопическая грудь в нём абсолютно не нуждалась. Я в очередной раз с унынием посмотрела на себя и вспомнила свой роскошный бюст полного четвёртого размера из прошлой, теперь уже, жизни.

Эх, что ж всё грустно-то так? В прошлой жизни я уже в пятнадцать лет была ростом сто семьдесят сантиметров с бюстом третьего размера, густыми светлыми волосами и красивыми длинными ногами, как любили говорить парни, от ушей. А что сейчас? Мелкая пигалица ростом дай бог сто шестьдесят или чуть более того сантиметров, худое костлявое подростковое тело, бледное лицо с тёмными кругами под глазами, черты которого я никак не могла разглядеть. Ясное дело, ведь в ведре с водой много не увидишь, а зеркал тут не водилось, ни в моём доме, ни в доме Мартёны.

Единственное, что хоть немного радовало меня в моём новом облике, так это тёмно-каштановые волосы. Они, в сравнении со всем остальным, были густыми, длинными и красиво выющимися. Шикарные волосы, одним словом. Если их коротко подстричь, то из меня получился бы самый настоящий мальчишка, такой себе смазливый пацанёнок – подросток.

Решив, что выглядела я более-менее приемлемо и самое главное практично, я категорически отвергла все попытки Матрёны меня переодеть, отвечая одной лишь фразой: «И так сойдёт».

Сенник, о котором упомянула Матрёна оказался чердаком, который располагался над крытым двором. Там, на широкий брёвнах, в самом дальнем углу, за кипой сухого ароматного сена был припрятан простой холщёвый мешок, в котором оказалось две пары коротких валенок тёмно-серого и коричневого оттенков. Валеночки были небольшими и очень аккуратными, как раз на мою маленькую ножку, размера наверное тридцать пятого, не больше. Помимо валенок, мешок обрадовал меня парой лёгких кожаных сапожек, правда изрядно поношенных, но довольно крепких и практичных. Они были тоже примерно моего размера, что несказанно подняло мне настроение. Ну и помимо обуви в мешке оказался небольшой овчинный тулупчик, как и говорила Матрёна, видимо тоже мой, или матери Насти. Он был лёгким и больше напоминал детскую дубленку светло-бежевого цвета. В тон к тулупу нашлись и меховые рукавички.

Находки сильно воодушевили меня, ведь теперь я могла выйти из дома. Не могла же я всё время сидеть в избе, ожидая чего-то, что поможет мне приспособиться к этой новой жизни?

Боже мой, мне до сих пор не верилось, что всё произошедшее со мной действительно было правдой. Сколько раз я читала фантастические романы о попаданцах, но никак не могла предположить, что нечто подобное может произойти со мной.

От мыслей о своей утраченной жизни, я вновь впала в уныние и, под внимательным взглядом Матрёны, спустилась по шаткой лестнице обратно вниз с сенника на крытой двор, видимо предназначенный для скотины.

И вновь мне вспомнились те моменты, проведенные в закрытом гробу. Но на сей раз, я думала уже о другом. Интересно, кто проводил меня, раздавленную мусоровозом, в последний путь там, в том мире? Кто пролил слёзы над моим остывшим телом? Кто-нибудь вообще хоть расстроился?

Осознание того, что я, в прямом смысле этого слова, была никому не нужна, почему-то больно кольнуло сердце. Родителей у меня не было, они погибли в автокатастрофе несколько лет тому назад, друзей тоже растеряла, муж ушёл, коллеги по работе меня недолюбливали, возможно уважали, но друзей я там так и не завела. И что осталось в сухом остатке? Пару – тройку дальних родственников и не наберешь.

Я представила, как меня тихо и без слёз похоронили на самом дальнем кладбище по эконом-варианту. Как мои троюродные кузины уже делят между собой мою квартирку в центре города. Как постепенно могила моя зарастает, крест кренится, надписи блекнут. И никто так больше и не вспомнит о ней и не придет навестить усопшую.

Тридцать пять лет! Мне тридцать пять, и как я прожила эту жизнь? На что её потратила? Ни семьи, ни детей, ни друзей. Купила квартиру? Поднялась по карьерной лестнице? Денег заработала? Молодец, конечно! Но для кого были все эти старания? Кому теперь они нужны? Кто вспомнит обо мне, хоть одним добрым словом помянет?

Горькие слёзы застилали мои глаза. Я утёрла их рукавом и громко шмыгнула носом.

Мрачно вздохнув, и ничего не говоря Матрёне, я скинула на пол свою поклажу и принялась натягивать на себя валеночки и свой, уже теперь, тулупчик.

Так мы и шли. Нахмуренная Матрёна и я, молчаливая и погрузившаяся в свои тяжёлые мысли.

Дом старосты находился в самом центре села. Он был огорожен высокой изгородью с большими деревянными воротами, рядом с которыми примостилась небольшая калика. Громкий тяжёлый лай собаки заставил меня отшатнуться от калитки и испугано прижаться к Матрёне.

– Не бойся, – проговорила мне женщина, открывая калитку и указывая на здоровенного пса, который оказался, к моему счастью, на привези, – Это Буран. Он, как видишь, на цепи в дневное время, так что проходи, не бойся.

Мне стало страшно от одной мысли, что этого здоровенного кобеля выпускают в ночное время, и он беспрепятственно бежит по всей территории двора старосты, а возможно и всей деревни.

Матрёна торопливо схватила меня за руку и повела по дощатому настилу двора прямо к широкому крыльцу дома. Жилище старосты представляло собой такую же избу, как и все остальные в этом селе. Хотя возможно дом был всё-таки побольше размерами. Пройдя сени, мы оказались в тепло-натопленной комнате, где возле окна за столом сидело несколько человек.

Во главе стола расположился низенький плотный бородатый мужичок, сгорбившись над какими-то холщёвыми листами, похожими на бумагу, и что-то пытался вывести на них обоженным гусиным пером. Возраст его было определить довольно сложно, так как сильная растительность на лице, и косматая голова с проседью и со спутанными сальными прядями делала его в моих глазах стариком. Но я понимала, что скорее всего все мужчины этой деревни от двадцати лет и старше бородаты и косматы, так что вполне могло оказаться, что и этому аборигену не более сорока лет от роду.

Рядом с этим косматым, сидело двое молодых парней. Ну, так во всяком случае мне показалось, так как у одного борода была совсем ещё небольшой, а другой видимо был ещё юн, и его пушок на лице это подтверждал. Тот, что постарше, тихо пробормотал что-то похожее на слово «ведьма», и его рот злобно скривился. А другой, что помоложе, испуганно вытаращился на меня и перекрестился.

– Здравствуй, Трифан! – громко поздоровалась Матрёна, подтягивая меня за руку ближе к себе и пихая в бок локтем, чтобы я перестала пялиться по сторонам.

– Здравствуйте, – поздоровалась и я, внимательно разглядывая космача, понимая, что этот бородач и есть староста села Грязное.

– И тебе не хворать, Матрёна, – поздоровался в ответ староста, а затем его взгляд прищурился на меня, – И ты Настя, здравствуй. С чем пожаловали?

– За своим пришли, – ответила женщина и выжидательно уставилась на мужчину.

Космач хмыкнул и аккуратно отложил перо в сторону.

– За козой, стало быть? – важно провел он рукой по отросшим усам и бороде, – Хорошо, но только сначала разочтёмся.

Я с непониманием посмотрела сначала на него, а затем перевела взгляд на Матрёну. Женщина же после слов мужичка как-то недобро уставилась на него, а затем вскинула голову и упёрла свои руки в бока.

– Сиротинку ободрать хочешь? – зашипела она на старосту.

– Так за козой тоже как-никак уход нужен. Я её кормил, доил, загон выделил. С сеном опять-таки в расход вошёл. Чай не бесплатно всё это.

До меня наконец-таки начал доходить смысл слов мужичка, что типа за то, что он на время пригрел моё животное, с меня плата полагается. Я громко хмыкнула и, пару раз кашлянув, прочистив тем самым горло, обратила на себя внимание всех присутствующих.

– Позвольте поинтересоваться, уважаемый, – наконец заговорила я, и сама чуть ли не скривилась от своего тонкого девичьего голосочка. Тьфу, всё никак не привыкну, что я, блин, подросток.

Все присутствующие с удивлением уставились на меня.

– Так вот, позвольте поинтересоваться. Значит за то, что вы приютили мою несчастную скотинку, вы плату требуете? Я правильно поняла?

– А то как же? – утвердительно кивнул староста и нахально ухмыльнулся, – Только боюсь, Настька, тебе расплатиться нечем будет. Да и сама подумай, на кой тебе коза? Чем кормить её станешь? Сена-то поди нет у тебя, да и зерна тоже.

– Понимаю, – утвердительно качнула я головой, а потом как бы задумавшись, продолжила, – Тогда и вы мне должны, уважаемый староста, вот только пока не соображу, сколько с вас взять.

– Чего? – раздалось удивленное мычание кого-то из парней.

Я же, деловито поправив платок на своей голове, ответила:

– Так вы же молоко с неё доили, его пили, так оно тоже денег стоит.

– Ах ты ж тварь, – послышалось тихое ругательство от одного из парней.

Я, не обращая внимания на окружающих, продолжала нагло и с вызовом буравить глазами растерявшегося старосту.

– Так что, уважаемый? Как расплачиваться будете? – ухмыльнулась я, а затем добавила, – Хотя я могу и забыть долг в счёт доброго к вам отношения. Верните животинку обратно, и будем в расчёте.

Староста от моей наглости видимо совсем растерялся, но быстро взял себя в руки и крикнул одному из парней:

– А ну-ка, Никитка, отдай ей козу, и пусть уходит во свояси, чтоб духу её в моём доме не было.

Молодой парнишка с пушком на лице опасливо поглядывая на меня, быстро шмыгнул в сени, а затем во двор. И не успели мы выйти на улицу, как он торопливо всунул мне в ладонь веревку, к которой было привязано рогатое, жалобно bleющее, животное.

Блин, и в правду коза. И что я с ней буду делать? Как ухаживать? Как доить?

Я с испугом посмотрела на грязное тощее существо, и умоляюще перевела свой взгляд на Матрёну. Женщина что-то тихо хмыкнула и забрала у меня веревку.

До самого дома, нам пришлось в прямом смысле тащить упрямо упирающееся животное, которое никак не хотело возвращаться в свой родной сарай или загон, как он там правильно называется, не знаю.

– Это не коза. Это упрямая ослица какая-то, – тихо выругалась я, опасливо посматривая на длинные рога скотинки.

На мой комментарий женщина никак не отреагировала, а снова схватив меня за руку, вновь вывела на улицу к соседской избе.

Дальше мы вдвоём с Матрёной обошли с пяток соседских домов, требуя вернуть всех моих кур обратно. Соседи, отдать должное, курей вернули без споров и ругани, лишь испуганно поглядывая на меня.

– Боятся, – ехидно заметила Матрёна, когда перед нами торопливо захлопнулась дверь, и последняя курица оказалась в корзине.

– Они реально думают, что я ведьма? – со смехом спросила я женщину.

На это она ничего не ответила, а только что-то тихо произнесла, по типу молитвы что ли.

– Марён, помоги пожалуйста, покажи как доить козу, и чем её кормить, – жалобно обратилась я к женщине, понимая, что без её помощи животное просто погибнет.

Добрых два часа моя новая подруга, а теперь я уже думала о ней только так и никак не иначе, показывала мне что и как надо делать: как доить, как кормить, как ухаживать, в том числе и за курами.

– Тяжёлая наука, – пожаловалась я, когда в очередной раз коза недовольно заблеяла от моих неумелых движений и холодных рук.

Матрёна только неодобрительно качала головой и хмурилась, а уходя, заверила меня, что завтра обязательно придёт проведать, всё ли у меня в порядке. Я же про себя подумала, что обязательно надо при возможности отблагодарить женщину каким-нибудь подарком. Ведь если бы не она, то как бы я справилась? Даже думать об этом страшно.

Вечерело. В соседних избах загорались лучины, звонко лаяла соседская собака, где-то на улице послышался чей-то залиvistый смех. Уткнувшись носом в мутные стекла своего окна, я увидела шумную компанию из нескольких девушек и парней, которые смеясь проходили по улице.

– Скучно и тоскливо! – шумно выдохнула я в темноту своего дома и зажгла одинокую лучину у печи.

И как только неяркий свет огонька прогнал густой сумрак тёмной избы, я вдруг увидела какое-то тёмное очертание в самом дальнем углу у двери.

Несколько раз моргнув, я убедилась, что мне не привиделось. В углу у дверного косяка на куче приготовленных для печи дров сидело нечто, какое-то существо, фигурой напоминающее человека, только размерами гораздо меньше, где-то примерно до полуметра ростом. Серое лицо, чёрные без белков и радужек глаза, торчащие в разные стороны клочковатые волосы, спутанная бородёнка. И весь он такой, словно бесцветная чёрно-белая картинка.

Я трясущейся рукой зажгла ещё две лучины и, воткнув их поближе к себе, схватила подвернувшийся мне под руку печной ухват.

– А ну-ка выходи на свет! Чего прячешься? – как можно более грозным голосом прокричала я, а у самой всё дрожало внутри от страха.

Мужичок вперил в меня свои чёрные глаза-плошки и часто ими заморгал.

– Поди ж ты, увидела!? – раздалось скрипучее удивление названного гостя.

– Увидела, увидела, – закивала я головой, покрепче держась за ухват и наводя его на странное существо.

Гость издал что-то, напоминающее кашель, и ловко спрыгнув с дровяника, сделал шаг ближе.

– Здравствуй, хозяйюшка! – поклонилось нечто и, внимательно присмотревшись ко мне, вдруг неожиданно подпрыгнуло на месте, – Тьфу ты, ведьма!

Я от внезапно услышанного высказывания в мой адрес чуть не выронила ухват.

– А ну-ка повтори, как ты меня назвал? – разозлилась я и почувствовала, как вокруг меня воздух налил морозной свежестью.

Гость снова откашлялся и вновь поклонился, но уже более учтиво и в самые ноги.

– Прости меня, навья дочь, не знал я, что застаю тебя здесь, – снова поклонилось существо, и добавило, – Слух по селу пошёл, что хозяйка моя вернулась в дом, вот я и пришёл

проведать, да присмотреть. Соскучился по хозяйству. Что домовый без дома? Вот и подумал, раз Настенька вернулась, так и я ворочусь.

Мужичок тяжело вздохнул, а потом уныло покачал головой:

– Да видно не судьба остаться, не вернулась Настенька, не наш теперь это дом. Ещё раз прости за беспокойство, навья дочь, – снова поклонился он мне в ноги и пошёл к двери, медленно растворяясь в сумраке тёмной избы.

Я ровным счётом ничего не поняла из того, что мне только что рассказало это странное существо. И поэтому, быстро прикинув, что это нечто не настроено против меня агрессивно, а значит, не представляет явной угрозы, я поспешила остановить его, пока оно полностью не растворилось в темноте ночи.

– Постой-ка, уважаемый, – торопливо произнесла я, не зная, как к нему обратиться, – Давай поговорим, проходи ближе, не стесняйся, – сделала я приглашающий жест, откладывая в сторону печной ухват.

Гость вновь будто бы материализовался прямо на моих глазах из сумрака и выжидательно уставился на меня. Н-да, блин, вид у него был не очень располагающий к общению.

– Присаживайся, – указала я рукой на деревянную лавку возле стола, – Угощайся, как говорится, чем богаты. ..., – вежливо проговорила я, попутно наливая в глиняные чашечки травяной сбор.

– Благодарствую, навьюшка, – одобрительно залепетал мужичок, запрыгивая на лавку, обтирая свои руки о грязные штаны.

Я пододвинула поближе к гостю тарелку с лепешками и налила из горшочка в маленькое блюдце мёда. Существо активно принялось за угощение, а я же, подперев ладошкой щеку, принялась внимательно его разглядывать. С каждым новым глотком он будто бы наполнялся красками. Возможно, это была всего лишь игра света и тени, но я была совершенно уверена в том, что его серое лицо стало вдруг нормального человеческого оттенка, а щёки даже приобрели лёгкий румянец. Некогда слипшаяся и спутавшаяся бородёнка расправилась, торчащие в разные стороны волосы легли на прямой пробор, а черные глазища приняли нормальный вид с белками и серыми радужками.

– Кто ж ты такой? – словно сама себе задала я мучавший меня вопрос.

Мужичок отложил в сторону недоеденную лепешку и посмотрел на меня внимательным взглядом.

– Так домовый я, дух дома этого, семьи Прохоровых, – как само собой разумеющееся проговорило существо.

– А звать-то тебя как? – поинтересовалась я, с интересом разглядывая домового и произошедшие с ним метаморфозы.

– Казимир, – снова с поклоном ответил мужичок.

Если бы не явная реальность всего происходящего, я бы давно поверила, что сплю, или у меня откровенно поехала крыша.

– Казимир, – задумчиво протянула я, – А вернулся зачем?

Мужичок снова схватился за лепешку, но ответил:

– Так домовый без дома разве может?

– Не знаю, – честно ответила я на скорее риторический вопрос, – А разве других домов мало? Нашел бы себе новый.

Домовой хмыкнул:

– Так в других домах свои домовые есть, – покачал головой гость, – Как Настю хоронить понесли, я и ушел. Дом запер, отворот наложил, чтоб не пожгли и не пограбили, всё ж не одно поколение Прохоровых здесь прожило. Вот и тебя в последний путь проводил, в косы нивяник вплел, узелок сложил и ушёл.

Казимир шумно отхлебнул отвар и снова продолжил:

– Меня Лукьян сначала приютил, домовый Зубовых, что отсюда через три дома. Но два домовых на одну избу..., – он удрученно махнул рукой, давая понять, что это что-то из ряда вон, совсем недопустимое.

– А что с тобой станет, если у тебя дома не будет? – поинтересовалась я.

– Домовой без дома погибает, в нежить превращается, – печально пояснил Казимир.

– В нечисть? – переспросила я.

– В нежить, – поправил меня мужичок, – Я и так нечисть, домовый.

– Нечисть, – ошарашено повторила я, а потом решила уточнить, – А нежить тогда что такое?

Казимир нахмурился, но ответил:

– Ну, это когда дух тело покидает, а само тело упокоения не находит, а бродит по земле, и в него силы разные вселяются, бесчинствуют, кровь проливают. Это и есть нежить.

Я с ужасом уставилась на сидящее напротив меня существо.

– То есть ты можешь таким стать?

На мой вопрос Казимир лишь удрученно кивнул и низко опустил плечи и голову.

Н-да, жаль существо. Вроде бы и не злой он, а вполне себе приятный дядечка, располагающий и дружелюбный, хоть и нечисть. Хотя, что я вообще знала о нечисти? Да ничего.

– А в этом доме почему остаться не можешь?

Мужичок лишь грустно усмехнулся на мои слова:

– Да где ж это видано, чтобы ведьма в свой дом кого впустила, тем более домового!

От услышанного у меня округлились глаза:

– Ты кого ведьмой назвал? – неожиданно вспыхнула я.

Мужичок с непониманием уставился на меня.

– Так тебя и назвал, – пролепетал он, всерьёз не понимая, чем вызван мой гнев, – Чем я обидел тебя, навья дочь?

– Какая я тебе ведьма? И что ещё за навья дочь? – снова начала я злиться и вновь почувствовала, как вокруг меня похолодел воздух.

– Постой, навьюшка, не серчай! Не с обидой я, без злого умысла! – снова залепетал дядечка, и я начала потихонечку успокаиваться.

Увидев, что я уже почти спокойна, он принялся тараторить:

– Навья дочь – это та, что на другом берегу Смородины была и вернулась, в Навьем царстве побывала, в загробном мире, значит.

– погоди, погоди, – поспешно остановила я своего собеседника, – Давай-ка поподробнее. Что ещё за смородинка? При чём тут куст или ягода?

Казимир снисходительно покачала головой:

– Новорожденная ведьма, молодая совсем, глупая, не знаешь ничего и не ведаешь.

Я же на его реплику решила никак не реагировать, а просто выжидательно сложила свои руки на груди и посмотрела на него вопросительно.

– Ладно, навьюшка, слушай, – проговорил мужичок загадочно и начал свой рассказ, – Мир наш на три царства поделён. Первое царство Явью зовут. Это царство живых, и населяют его живые существа и сущности, чьи души живы и имеют возможность обрести тело. Второе царство, оно как бы над Явью стоит, его величают Правь. Это вотчина богов, и правит там могущественный светлый бог Сварог. Некоторые вознесшиеся души попадают в Правь, чтобы в дальнейшем переродиться вновь. Третье царство, низшее, кличут Навью, это мир загробный, царство душ усопших. Царство это в вотчине тёмного бога Чернобога. Много столетий идет незримая битва между светлым и тёмным богами. Не могли они никак меж собой мир живых поделить, и придумали черту провести по царству Яви. Пропахали плугом по земле и стали это борозду границей считать между царствами Явь и Навь. Борозда эта водой заполнилась и в реку превратилась, чьи черные и ядовитые воды источали смрад и зловоние. И стала эта

река называться Смородиной. Не перейти и не переплыть реку эту. Лишь один путь есть через неё в царство Навь, по Колинову мосту. Только те знают путь-дорогу к реке Смородине, кто Калинов мост прошёл и на том берегу побывал.

Мужичок закончил свой рассказ и мы оба погрузились в тишину. Н-да, что тут сказать. Красивая сказка.

– Ну а я то тут при чём? – решила я, наконец, прервать затянувшееся молчание.

– Так ты из того царства, что по ту сторону Смородины, – уверенно проговорил Казимир, – Не принадлежишь ты миру этому, вижу я это. Хоть и тело хозяйки моей забрала, но не Настенька ты, навья дочь.

– Настенька я, – утвердительно проговорила я, но потом торопливо добавила, – Но другая, не Прохорова. Прав ты в одном, что в теле Настеньки оказалась. Но я и сама не понимаю, как так получилось, я не хотела этого, не желала быть тут. А по поводу ведьмы или, как там ты меня назвал, навьей дочери, то ошибся ты, домовой. Никакая я не ведьма.

Мужичок на мои слова лишь покачал головой:

– Это ты ошибаешься. Нечисть я и видеть умею. Ведьма ты, самая настоящая. Юная и неопытная, но ведьма. Человеческого в тебе много, гораздо больше, чем ведьмовского, но это со временем изменится, – с печальным вздохом закончил Казимир.

– Простым людям не дано нечисть увидеть, а ты видишь меня и говоришь со мной. Вот тебе и объяснение.

Я призадумалась и снова посмотрела на бородатого миниатюрного мужичка.

– Послушай, Казимир, а нечисть, типа тебя например, может навредить такой, как я? – задала я ему волновавший меня вопрос. Ведь я помнила ещё со времён моего детства рассказы и детские страшилки о разных домовых и их проказах.

– Что ты, навьюшка?! Разве смогу я? Куда мне тягаться с тобой? – замахал он ручонками с неподдельным ужасом на лице.

Я облегченно выдохнула, а затем решила:

– Тогда давай договоримся с тобой Казимир. Я позволяю тебе остаться и жить в этом доме, а ты же со своей стороны обещаешь не вредить мне и по возможности помогать в том, что будет в твоих силах. Я же обещаю относиться к тебе с уважением.

Казимир на мои слова даже рот открыл в удивлении, да так и сидел несколько минут, не произнеся ни единого слова и с выпученными глазами-плошками.

– Ну так что? Договорились? – протянула я ему свою ладонь. Мужчина боязливо вложил свою ладошку мне в руку и тихонечко пожал мои пальцы.

– Договорились, – дрогнувшим голосом проговорил он.

Глава 5

Впервые за несколько дней я смогла, наконец, нормально выспаться. Видимо тело моё уже привыкло к жесткой лавке, на которой я лежала, и не чувствовало никакого дискомфорта. Надо будет приданное моё достать, да перинку на печь уложить. У Матрёны детишки на печи спят, там широко и тепло, вот и мне пора прекращать на этих лавках бока отлёживать. Всё, решено, сегодня же вплотную займусь обустройством своего дома по моему видению и удобству.

Какое-то тихое шуршание нарушило ход моих мыслей. Я повернула голову и увидела Казимира, ловко орудующего кочергой у печи.

– Доброе утро! – сказала я ему и видимо этим его напугала.

– Доброе, навьюшка, – с поклоном обернулся ко мне домовый.

– Эх, Казимир, Казимир, – запричитала я, – Давай пожалуйста без этих твоих навьюшек и ведьм. Зови меня просто Настей, а я тебя Казимиром звать буду, okay?

– Чего? – растерянно спросил он, видимо не поняв мою последнюю фразу.

– Хорошо? Договорились? – пояснила я.

– Хорошо, – кивнул домовый, и снова принялся шерудить кочергой затухающие угли.

Я медленно потянулась и уныло выдохнула. Холодное зимнее солнце вовсю светило в маленькие окошки моей избы, и судя по его расположению, день был давно в разгаре. Зимой темнеет рано, а мне надо столько всего успеть. Надо дров принести, воды натаскать, сготовить что-нибудь, да в доме убраться. Эх столько дел, и всё руками делать придётся, ведь здесь не было ни пылесоса, ни стиральной машины, ни микроволновки. Одним словом полное отсутствие цивилизации.

– Блин, у меня ж теперь коза есть! – испугано вскочила я с лавки, внезапно осознав, что несчастное животное не подоеено, не напоено и не накормлено. А ведь помимо козы у меня же ещё и целый курятник. Пятнадцать кур и один краснохвостый петух, который вчера так и норовил меня клонуть.

Пока я судорожно натягивала на себя свою замысловатую одежду, домовый выкладывал на стол теплые лепешки и что-то типа чугунной сковородки, на которой шкворчала глазунья с поджарками золотистого сала. От увиденного мой желудок издал жалобное урчание, а мой рот мгновенно наполнился слюной.

– Садись, хозяйюшка, – довольно ухмыльнувшись, проговорил домовый, – Ешь, пока не остыло.

Схватив деревянную ложку и оторвав кусок теплой лепешки я, в прямом смысле, накинулась на еду, будто бы год не ела.

Тем временем домовый налил мне в чашку травяной сбор и добавил туда ложечку мёда.

– Ешь, хозяйюшка, ешь, – причитал мужичок, явно обрадованный моему звериному аппетиту, – Худая какая, одни мослы, тела-то нету совсем в тебе. Ничего поправим, откормим.

Он ловко спрыгнул с лавочки и, взяв с подоконника деревянную гребенку, что-то прошептал себе в ладошку. И вдруг мои длинные каштановые волосы взметнулись вверх, а вокруг них, словно мотылёк запорхал редкий деревянный гребешок. Я так и замерла с полуоткрытым ртом, пока на моё плечо не легла туго заплетённая длиной до самого пояса коса.

– Вот это да! – ошарашено выдохнула я.

Я уже собиралась спросить, как он это сделал, но он лишь качнул головой в сторону двери:

– Гость к тебе, хозяйюшка.

И в самом деле, не прошло и нескольких секунд, как в избу вошла разруганная от мороза Матрёна.

– Ну как ты тут, Настенька? – деловито окинула взглядом меня и всё вокруг Матрёна. От увиденного лицо её просияло, и она, улыбнувшись обрадовано, закивала:

– Вижу, что хорошо. Коза подоена и накормлена, изба выметена, печь затоплена. О, да и самоварчик подоспел как раз, – одобрительно потерла женщина свои ладошки.

– Проходи, раздевайся, – улыбнулась я подруге, – Чайку горяченького выпьем.

– Чего? – не поняла моей последней фразы Матрёна.

Я махнула рукой и пояснила:

– Говорю, что сбор травяной только что заварила. Выпей горячего, отогрейся с мороза.

– Аааа, – понятливо закивала женщина и умелым движением скинула на ближайшую лавку свой тулуп и платок.

Пока Матрёна усаживалась и наливала себе отвар, я опасливо пошарила глазами по избе в поисках Казимира. Вот кто значит мне все дела домашние переделал, и животных покормил, и в избе прибрал, и воды натаскал, да и дров наколот. А с виду такой маленький мужичонка, а сила в нем значит богатырская. Хотя, о чём это я? Не руками же он всё это делал, а магией какой-то своей, ворожбой. Н-да, мал золотник, да дорог.

– Чего закручинилась, Настенька? – нарушила мои размышления подруга.

– Да так, – уныло вздохнула я, – Вот думаю, как дальше жить? На что?

Женщина нахмурилась:

– Тебе б замуж выйти, да кто ж возьмёт?

Откуда-то из-за угла печи раздалось хмыканье домового, и я опасливо покосилась в ту сторону, боясь, что его может услышать или увидеть Матрёна. Но вспомнив вчерашние слова Казимира о том, что простой человек нечисть увидеть не может, я немного успокоилась.

Женщина покачала головой, а затем кивнула каким-то своим мыслям.

– Хотя, – уже боле бодрым голосом проговорила она, – Время то у тебя ещё полно. Люди попривыкнут, да позабудут. Глянь только, какое у тебя лицо чистое да ровное. Мяса нарастишь, совсем красавицей станешь. Жаль, приданого маловато, но зато свой дом, какой никакой, есть у тебя. А там глядишь, парень какой-нибудь приглянется. Вон у Трифана, старосты нашего, двое парней. Старший Ванька двадцати годов уж, всё никак не остепенится охломон, а младший Никитка твой ровесник. Чем не женихи?

Я напрягла память и, вспоминая двух оболтусов, что видела у старосты в доме, от души рассмеялась:

– Это те двое, один из которых сразу ведьмой обозвал, а второй крестился, как от сатаны?

От моих слов женщина скривилась и укоризненно покачала головой на мои грубые слова.

– Ладно, с женихами потом разбираться будем, если таковые сыщутся, – снова уныло хмыкнула я, – Ты лучше подскажи мне, Матрёна, как жить дальше? Ведь я ровным счётом ничего не умею.

И словно в подтверждение моих слов женщина перевела свой взгляд с моих нежных аккуратных детских рук на свои грубые натруженные ладони с мозолями и ссадинами. Лицо женщины побледнело, но она быстро овладела собой.

– Главное до весны дожить, – встрепенулась Матрёна, – А пока прясть можешь, козу же тебе староста вернул. Вот и чеши шерсть, да пряжу делай. Валять войлок можешь. Рукоделием займись, мать твоя была та ещё мастерица, не чета многим. А там и лето придёт, покос будет, травы, да сборы полезные собирай, да в мешочки складывай. Бабка твоя травницей была отменной.

– А она дело говорит, – послышалось тихое бормотание домового, и я испуганно заозиралась по сторонам.

– Ладно, пойду к себе, а то Макар сердиться будет. Да и Митьку кормить пора, – засобиравшись женщина, а потом как будто бы что-то вспомнив, добавила, – Я чего приходила-то..., баню сегодня топить собираемся. Так и ты приходи, отмоешься хоть.

Дверь с противным скрипом закрылась, и я, снова оставшись одна, призадумалась. А ведь и правда, надо бы хорошенько вымыться, смыть с себя и запах, и воспоминания о кладбище. От этих мыслей я снова неприятно поёжилась. Решено, в баню к Матрёне я обязательно пойду. А пока...

– Казимир! – позвала я своего домового.

И он тут же оказался передо мной, словно выпрыгнувший чёрт из табакерки.

– Тьфу ты нечисть, напугал, – пробухтела я, – Нельзя же так людей пугать, ведь можно же по-человечески.

На мои слова домовый лишь ухмыльнулся и покачал головой:

– Так нет здесь людей-то, навьюшка, – а потом, увидев мой рассерженный взгляд, торопливо добавил, – Чего звала, хозяйка?

– Отпирай сундуки Казимир, приданое потрошить будем, – кровожадно улыбнулась я.

Надо было видеть лицо домового, когда я заявила, что на этой перине собираюсь спать. Домовой чуть ли не зубами вцепился в сундук, не давая мне его открыть.

– Что ж такое делается-то? Так и помиру пойти не долго, – причитал мужичок, когда я всё-таки смогла оторвать его от сундука и вытащить оттуда перину.

– Да успокойся, Казимир! Сам же говорил, что ведьма я. Так кто ж на такой женится? Для кого беречь? А я хоть спать буду с удобством. Так что давай не вредничай.

Перина и одно стёганое одеяло всё-таки были мной отвоёваны и с достоинством водружены на печь. Туда же следом отправилась и мягкая подушечка, набитая лебяжьим пухом, и чистое льняное бельё.

Я перешла к другим сундукам и начала вытаскивать все мужские вещи, что хранились там.

– Как думаешь, Казимир, смогу я всё это продать или обменять?

– Ах, батюшки мои, – вновь услышала я его причитания, – Ведьма проклятая, что удумала, весь дом по ветру пустит.

Я на его ругань лишь тихо рассмеялась, продолжая методично откладывать в сторону то, что по моему мнению мне никак не пригодится.

Следующим шагом было разобраться с проклятушей дверью, что так мерзко скрипела и тем самым ужасно действовала мне на нервы.

– А скажи-ка мне, Казимир, – снова обратилась я к своему домовому, – Чем бы смазать дверь, чтобы она не издавала этот жуткий звук каждый раз, когда я вздумаю её открыть.

– Дёгтем, – коротко ответил обиженный мужичонка, – Только у нас его нет.

– Ну и где его достать? – нетерпеливо уставилась я на него.

– К кузнецу иди, к Даниле, у него возмёмшь, – снова недовольно ответил мне домовик.

– О! Точно! – подпрыгнула я от пришедшей мне в голову идеи и, расстелив на столе небольшую скатёрку, я сгребла туда все свои тупые ножи.

На вопросительный взгляд Казимира, я быстро пояснила:

– Попрошу наточить. А то такими ножами захочешь не нарежешься, – коротко бросила я, заматывая на шею пуховый платок и плотнее запахивая тулупчик.

– Вот ведь, – вскинул руками домовый, и когда я уже выскочила в сени, прокричал мне вслед, – Хоть знаешь куда идти-то?

– Так куда идти? – обернулась я с хулиганистой улыбкой на лице.

– На другую сторону села, ближе к реке, там не ошибёшься, кузню сразу увидишь, – раздраженно прокричал мне мужичок, а потом, увидев, как я уже выбежала на улицу, добавил, – Вот ведь девка, одним словом, ведьма.

Солнце ещё не село, и я, воспользовавшись возможностью, решила ещё раз разглядеть село и расположение домов как можно чётче. Изба моя была по нашей улице последней и находилась на самой окраине. За невысокой изгородью уже начинался лес, к которому вела

просёлочная дорога и уходила глубоко в самую чащобу. Что было там, в этом лесу, и куда вела эта ухабистая дорожка, я решила уточнить у своего домового потом. Сейчас же меня интересовало само село, и в частности дом кузнеца. Я торопливо развернулась и пошла по утопанной тропинке в центр деревни. Как идти к дому старосты, я помнила хорошо и дошла без особого труда, а вот куда идти дальше, я не знала.

Покрутив головой в разные стороны, я зажмурилась и вдохнула полной грудью свежесть морозного воздуха. Зачерпнув полную ладонку снега, я поднесла его ко рту и слизнула пушистую прохладу. Снег на вкус показался мне сладковатым и освежающим. Вкусно. Слизнув языком прилипшие к губам снежинки, я принялась внимательно изучать холодные хрусталики на своей ладони. И всё-таки странный какой-то здесь снег. Он совершенно не таял у меня на руках и не обжигал холодом. Аномалия какая-то.

Так куда же идти? Я решила довериться интуиции и без колебаний повернула направо. И не прогадала. Уже через полтора десятка домов мой взгляд заметил кузню. Ну, во всяком случае, это сооружение не напоминало обычный жилой дом. А большая каменная труба, извергающая клубы черного дыма, и звонкий звук ударов молота, разносившийся на всю округу, указывали именно на то, что это и есть кузня.

Подойдя ближе, я обнаружила, что дверь не заперта, и даже немного приоткрыта. Из помещения помимо громкого звука ударов о наковальню доносились ещё какие-то голоса, один из которых был явно женским.

– Данилушка, так что ответишь мне? Придёшь? – заливался соловьём девичий голосочек.

– Шла бы ты домой, Любаша, а то отец хватится и осерчает, – не без раздражения ответил чей-то низкий зычный голос.

Вау, вот это тембр. От звука этого голоса прям веяло мужской силой. И мне ужасно захотелось посмотреть, кому же он принадлежал.

И только я собралась открыть дверь и войти внутрь, как мне этой же дверью прилетело прямо в лоб. От неожиданности я повалилась на снег и схватилась за голову.

– Уййй, – потеряла я ушибленное место.

– Чего встала у самых дверей, юродивая! – с ненавистью бросила мне выскочившая наружу девушка и торопливо пошла прочь, не оглядываясь.

– Вот ведь! – со злостью выпалила я, а сама была вынуждена признать, что моя вина в случившемся тоже есть. Короче, сама виновата, не надо было под дверями стоять, да подслушивать.

Дверь распахнулась, и мой взгляд упёрся в большие меховые сапоги. Потом он заскользил вверх по ровным длинным ногам, задержался на толстом кожаном поясе, переместился на мощную широкую грудь и руки, огромные мускулы которых поигрывали через тонкую ткань рубахи. По загорелой коже шеи стежка струйка пота, и я не удержалась и проследила за ней взглядом, разглядев, как красиво вырез рубахи открывает часть бронзовой кожи на груди и шее, где на тонком кожаном шнурке висел простой медный крестик.

Затаив дыхание, я робко подняла свои глаза к лицу незнакомца и замерла в восхищении. Вот это образец! Ну, это просто богатырь какой-то, Илья Муромец! С широкого, красивого и немного румяного лица, из-под густых бровей на меня смотрели внимательные светло-карие глаза, а губы растянулись в доброй улыбке, открывая ровный ряд белых зубов. Средней длины русые волосы чуть вились и были подхвачены простым кожаным шнурком.

Обалдеть просто! Вот это экземпляр! Я изумленно разглядывала стоявшего передо мной мужчину, ну или парня, хотя определить его возраст я никак не могла. Наверное, всё-таки молодой мужчина, возраста примерно двадцати восьми или тридцати лет. Его рост был наверное метра под два, ну или около того, но точно не меньше ста девяноста сантиметров. В нём чувствовалась какая-то сила, даже мощь, но в то же время доброта и простота. Одним словом русский витязь, богатырь! И откуда такие берутся?

Вспомнив, наконец, зачем сюда пришла, я быстро поднялась на ноги и торопливо сунула кузнецу в руки свой сверток.

– Данила, да? – поинтересовалась я, стараясь не пялиться на мужчину.

– Ну? – с усмешкой ответил парень.

– Мне бы ножи поточить, а то притупились совсем. Не поможешь?

Кузнец молча повернулся и вошел в кузню, попутно разворачивая мой узелок, и рассматривая тупые с зазубринами лезвия.

В помещении было жарко. Да это и не удивительно, ведь большую часть здания занимала огромная печь с широкой жаровней. На стенах висели различные металлические приспособления и инструменты, на полу у печи лежала куча только что выкованных подков.

Пока я разглядывала обстановку и различный инструмент, кузнец раскрутил большое каменное кольцо и принялся точить мои ножи.

– Мне бы ещё дегтя немного, – вспомнила я основную причину своего прихода, – И кстати, тебе ничего из мужских вещей не требуется? – поинтересовалась я, хотя тут же поняла, что всё то, что было мною отложено на обмен или продажу, этому мужчине будет явно не по размеру.

Вновь робко покосившись на кузнеца, я снова отметила его высокий рост и стать, и невольно залюбовалась этим образчиком мужской силы.

Закончив точить мои ножи, кузнец порылся на полке с маленькими глиняными горшками и, выудив один, зачерпнул длинным металлическим скребком что-то вязкое и черное из бочки, что стояла у самого входа.

Протянув мне маленький горшочек, кузнец с интересом окинул меня взглядом и произнёс:

– Одежа твоих родичей мне не по размеру будет. Старосте снеси. Думаю, он заберёт, – проговорил он глубоким зычным голосом, а потом добавил, – Трифан денег не даст, но ты обменяй на зерно, лён или мех.

Затем он неожиданно резко приблизился и чуть наклонился к моему лицу. Я от неожиданности отшатнулась к стене и вжалась в неё всем телом.

– Вот смотрю я на тебя, Настёна, и не узнаю, – покачал он головой, внимательно вглядываясь в моё лицо. В его взгляде отчётливо читалась доброта, забота, а ещё заметная доля тревоги.

– И ведешь ты себя не так, и говоришь по-другому, словно не ты это. Чужая ты какая-то, – вновь проговорил кузнец, всматриваясь в мои глаза, – И глаза такие холодные.

От услышанных слов я медленно сглотнула.

– Не помню я ничего, – заикаясь, начала я оправдываться, – Помню только, как в гробу очнулась. А до этого ничегошеньки вспомнить не могу, ни кто я, ни где жила, ни кто моя семья.

Кузнец отодвинулся и тяжело вздохнул.

– На всё воля Божья, вспомнишь ещё, – произнес он сочувственно и развернулся к жаровне, – Домой беги, темнеет уже.

Говорить дважды не пришлось. Схватив свои наточенные ножи и быстро замотав их в скатёрку, я сунула в карман тулупа горшочек со смолой, то есть с дёгтем, и выскочила на улицу.

В избе меня встречал нахмуренный домовой.

– У меня к тебе просьба, Казимир, – обратилась я к насупленному мужичку, – Ты посчитай пожалуйста, что в доме есть, чего нет. Крупа, зерно, овощи, масло, может ещё что для хозяйства нужно. Я завтра к старосте пойду, вещи отца и братьев отнесу на продажу или обмен. Да не дуйся ты так. Сам посуди, нам с тобой выжить как-то надо. Денег нет у меня, продуктов тоже. А вещи эти всё равно без дела лежат, моль только плодят.

– Ладно, пёс с тобой, – ругнулся домовик, но потом сам испугался собственной смелости. Он в ужасе прикрыл ладошкой рот и испуганно уставился на меня.

– О! точно! – рассмеялась я на его слова, – Может нам собаку завести? Чтоб дом и двор охраняла.

– Никто в избу не полезет, не бойся, хозяйюшка, – успокоившись, проговорил домовый, видя, что я не рассердилась, – Я отвод глаз наложил, да отворот от ворот.

– Да? А что ж тогда в первую мою ночь меня тут чуть не растерзали местные? Что-то твой отворот не сильно помог, когда они чуть дверь с петель не сорвали, так в дом ломились, – выпалила ему я.

– Так я же не ворожил ещё, я же только вчера вернулся. А отвод я ночью наложил, так что будь спокойна.

– Хм, посмотрим, – скептически хмыкнула я и начала приготавливать чистые вещи, которые одену после бани у Матрёны.

Семья подруги встретила меня теплыми улыбками.

– Ну что, сейчас мыться пойдешь, или опосля, когда я своих оборванцев намою? – с порога спросила меня женщина, и я заметила её усталый вымотанный взгляд.

– Опосля, – повторила я смешное устаревшее выражение, – Давай-ка я тебе помогу младших отмыть.

Баня представляла собой низенькое рубленое сооружение, утепленное мхом, внутри сплошь покрытое сажей. Ё-маё, настоящая баня по-чёрному. Технология растопки такой бани была простой. Внутри находился самый обыкновенный очаг, ничем не огороженный, на котором грелся большой котёл. Дым, сажа и прочие продукты горения через трубу не выходили, так как печь её не имела, поэтому большая их часть оседала на стенках и других поверхностях бани. Рядом с котлом располагалась небольшая каменка. Когда баня была уже хорошо протоплена и прогрета, она немного проветривалась, видимо для того чтобы большая часть угарного газа покинула помещение, а затем плотно закрывалась, чтобы нагретые камни и брёвна отдали своё тепло. И вот только после всех этих процедур в саму баню вносились лавки, и можно было уже мыться. Главное, не прикасаться к стенам и другим поверхностям, иначе... Одним словом, когда мы с Матрёной намыли и одели всех троих её детишек, я была похожа на трубочиста. Но надо отметить, что первыми в жарко натопленную баню шли мыться мужчины, а уж после них дети и женщины. Затем наступил и мой черед мыться, и я очень старалась ни к чему не прикасаться.

Средства гигиены, а точнее их полное отсутствие, это вообще отдельная история. Вместо мыла здесь использовался щёлок, которым мылось всё: тело, волосы, посуда. Короче, универсальное такое средство, изготовленное из натуральной древесной золы. Быстро и просто. Золу просеивали, заливали водой и доводили до кипения. Затем давали остыть и хорошенько отстояться. Образовавшаяся на поверхности прозрачная жидкость и была щёлоком, который в дальнейшем и применялось как универсальное моющее средство. В качестве мочалки использовалось липовое лыко. Оно представляло собой слой липы между её корой и самой древесиной. Эту прослойку отделяли от ствола дерева, хорошенько теребили и мяли, одним словом мочалили. Отсюда вероятно и пошло название мочалки. Вообще из лыка делали не только мочалки, но и мешки, веревки, сумки, да много чего ещё. Помимо практичной стороны, лыко ещё обладало противомикробным и противовоспалительным свойствами. Ну и конечно, оно хорошо массировало кожу и деликатно скрабировало её. Всё это мне поведала Матрёна, пока мы с ней мылись в бане.

Вообще, баня по-чёрному оказалась для меня явлением настолько необычным и диссоциирующим с ранее полученными мною представлениями о банях, что воспринимать сей процесс, как попариться в бане, было сейчас крайне сложно. Видимо те сауны, которые я когда-то посещала, в которых было под 90-100 градусов тепла, где без шапки и войти не реально, а пар был такой сухой и колючий, что хотелось лечь на пол, вызывали теперь в моей голове серьёзные несостыковки. Как в такой бане париться?

Однако, когда Матрёна приказала мне лечь на лавку, а потом поддав на каменку, взмахнула берёзовым веничком, я ощутила, как на моей коже волоски встали дыбом, а затем меня всю обволокло влажным жаром.

Но надо сказать, что в бане мылись не часто, их топили в определенные дни или перед крупными церковными праздниками или различными обрядами. Матрёна сильно удивила меня, поведав, что обычно, в повседневное время, люди мылись в своих избах, парились в русских печках, а мылись рядом с печью, огородившись льняной занавесью. Воду обычно грели в простой деревянной бочке при помощи раскаленных в печи камней.

Пока мы мылись, я столько всего узнала интересного и необычного. Для меня было самым настоящим открытием, что в бане не только мылись, но активно её использовали для других нужд. В ней стирали, сушили травы и снопы льна, валяли валенки, вправляли кости, и даже принимали роды. В этом месте также проводили различные ритуалы, обряды и гадания. Я с разинутым ртом слушала Матрёну, а она охотно делилась со мной своими знаниями и всякими банными премудростями.

– Куда щёлока столько льёшь? Всю кожу пожжёшь, – причитала женщина, добавляя в мыльный раствор воды, – А волосы-то надобно крапивой промыть, вон в шайке заварила как раз для тебя.

Женщина поливала меня из большого деревянного ковша, а я почему-то громко смеялась. Даже и не знаю, чем было вызвано моё внезапное веселье.

– Не смейся, хохотунья, – укоризненно качала головой женщина, – Банник осерчает.

– Кто-кто? – непонимающе посмотрела я на подругу.

– Банник, – шепотом произнесла она, – Дух бани.

А после, в гостеприимном доме Матрёны нас ждал горячий самоварчик и теплые ещё пироги с морковью, мочёными яблоками и капустой и яйцом. Привыкшая к кулинарным изделиям двадцать первого века, я жадно поглощала огромные румяные пироги с хрустящей корочкой и сочной ароматной начинкой, испеченные в настоящей русской печи. И в этот момент мне казалось, что ничего вкуснее я в своей жизни не пробовала.

– Следующая неделя масленичная, последняя перед постом, – проговорил Макар, когда сытые, сонные и разморенные баней детишки улеглись на печи, и он их накрыл одним общим одеялом.

– И что это значит? – вопросительно посмотрела я на него.

– Эх, и этого не помнишь, – удрученно покачала головой женщина, – Будут масленичные гуляния и посиделки. Так вот, и тебе бы надобно в них поучаствовать.

– Первый день недели «Встречей» кличут. В этот день молодые девушки и парни из соломы чучело делают, да снежные горки строят. Жены и матери дома блины пекут. Первый блин не едят, его нищим отдают, да сиротам, – наставительно поведал мне мужчина.

– Второй день называют «Заигрыши», – улыбнулась мне женщина, принявшись расчёсывать частым деревянным гребешком свои длинные русые волосы, – В этот день молодёжь на смотрины собирается. У кого сговор сладится, те после поста на Красную горку и обженятся. Мы с Макаром как раз так и поженились.

Женщина улыбнулась каким-то своим мыслям или воспоминаниям и залилась румянцем.

– На «Лакомку», третий день недели, к теще на блины ходят, – подхватил мужчина рассказ своей жены, попутно доставая из погребка бутылочку темного стекла, – А четвертый день «Разгуляем» зовется, с этого дня праздникам начало, начало Широкой масленицы, работать нельзя, – наставительно поднял он указательный палец вверх.

– На пятый день широкие гуляния устраивают, катания на санях, да снежные забавы, – снова включилась в разговор Матрёна, заплетая себе длинную плотную косу и скрутив её в широкий пучок на затылке, – Шестой день «Золовкиными посиделками» зовётся. В этот день

невестки золовкам почести выказывают. А молодые незамужние девушки к подругам в гости ходят, угощаются, песни поют, да гадают.

– Ну а на седьмой день проводы масленицы устраивают, также прощение у всех просят, – снова взял слово Макар, разливая по деревянным стопочкам янтарную жидкость, – Самый важный день всей масленичной седмицы. В этот день совершают заговенье перед великим постом, усопших поминают, на кладбище ходят, а вечером гуляние устраивают, да чучело сжигают.

– Даааа, обширнейшая программа, – удивленно произнесла я, чуть ли не присвистнув.

– Давай, Настенька, помянем родителей твоих, – вдруг неожиданно печально произнесла Матрёна, – Сегодня годовщина гроба их, – трижды перекрестившись, произнесла она. Матвей же тихо прошептал короткую молитву.

Что нужно было делать мне в этой ситуации, я не знала. По сути, я была человеком посторонним, и никакой родственной связи с семейством Прохоровых не чувствовала. Но во избежание косых взглядов, я поднялась с места и тихо произнесла:

– Пусть земля им будет пухом.

На мои слова, Матрёна укоризненно покачала головой:

– Надо говорить: Царствие им небесное. Земля пухом – это языческое выражение.

Опрокинув янтарную жидкость в горло, и удивившись её приятной терпкости и мягкости, я добавила уже от себя:

– Проводы масленицы тоже языческий ритуал, – решила блеснуть я знаниями.

На мои слова женщина лишь безразлично пожала плечами, а я призадумалась. Н-да, 1050 год от рождества христово, православие только-только закрепилось на земле русской, но видимо языческие обычаи и традиции ещё не утратились и не забылись, и возможно где-то ещё теплились капища древних богов.

Спустя пару часов, я шла по темной улице и тихо напевала:

– Ой мороз, моро-о-з, не морозь меня. Не моро-о-зь меня-а-а-а, моего коня!

Вдруг, откуда ни возьмись рядом со мной закружился снежный вихрь, и словно подпевая моей унылой песенке, так и вился рядом, провожая меня до самого дома. Мне было так залипательно смотреть на это небольшое, сверкающее белыми хрусталиками снега, торнадо, что я никак не могла остановиться петь. Так и продолжала выводить заунывные ноты грустной песни, заморожено глядя на разросшийся вихрь.

– Явилась, не запылилась, – раздалось беззлобное ворчание домового, когда я чуть навеселе вошла в избу, – Гости к тебе, хозяйка. Дозволишь впустить?

– Гости? – удивленно переспросила я, отчетливо припоминая, что ни по пути к своему дому, ни рядом с ним, я не встретила ни души, – Зови, – заинтересованно ответила я, снимая с себя заснеженный тулуп и пуховый платок.

Дверь скрипнула, и в избу прошмыгнуло что-то небольшое и тёмное. Затем это нечто разделилось на два небольших сумрачных пятна, обретая цвет и форму. И вот, не прошло и минуты, как передо мной стояли два небольших человечка. Один был очень похож на Казимира, такой же рост и борода, правда более седая, да одежда немного другая. Второй гость также оказался сед, но его длинные волосы доходили чуть ли не до самого пола, ноги оказались босыми, а на тело была лишь намотана какая-то простыня. Так, это ещё что такое? Не хватало мне тут ещё стриптиза от местной нечисти. А то, что передо мной очередные её представители, я была в этом уже абсолютно уверена.

– Не прогневайся, навьюшка, – обратился ко мне чужой домовик с поклоном, – Мы из дома Радовых. Меня Тихоном зовут, а этого банника Ведогором кличут. Прослышали мы от Лукьяна и Казимира, что новая ведьма в наших землях объявилась. Так мы к тебе за помощью.

Новая ведьма? Это ещё что за новости?

– А я-то тут при чём? – с недоумением уставилась я на них.

Чуть откашлявшись слово взял банник:

– Лесная нечисть озорует, совсем продоху мне, старому, не даёт, в баньке моей безобразничает, выжить меня пытается, – сокрушенно вздохнуло существо, а потом с печалью добавило, – На прошлой седмице хозяйка моя чуть не угорела. Я глянь, а в баньке-то задвижка задвинута.

– Снопы ломает, травы мнёт, – продолжил уже домовик, – Одни убытки хозяйству.

Я хмыкнула и сложила свои руки на груди:

– И снова повторяю свой вопрос: я-то тут при чём? – вопросительно подняла я свои брови.

– Так ведьма же, разве нет? Ты хозяйка новая земель этих, – решил внести ясность домовой Радовых, – Почитай на целых три села и на много дней пути в округе нет сильнее тебя, кто может нечисть одолеть. Ну, или нежить, – добавил он с заминкой.

– Погодите-ка, – решила я прояснить ситуацию, – То есть вы хотите, чтобы я пошла и разобралась с тем, что у вас в бане засело?

– Ну, да, – хором ответила вся нечисть.

Зашибись! Приехали. Я огромными глазами вытаращилась на Казимира, требуя пояснений. И они последовали.

– Много лет назад в лесу за кладбищем жила бабка-травница Глафира, её местные люди ведьмой прозвали за то, что она травы свои на могилках собирала, да по ночам в полнолуние. Не сказать, чтобы она была сильной, но нежить однако её остерегалась, заговоры она крепкие делала. А пару лет назад померла бабка Глафира, вот нечисть лесная, да нежить распоясались совсем. Некому сёла защитить, да порядок навести, чтобы не озорничал никто.

– Понятно, – задумчиво протянула я. И что мне с ними делать? Как поступить? Они ведь на меня надеются, вон какими глазами преданными смотрят, аж чуть ли не слёзы в глазищах блестят.

– Ладно, – проворчала я, сдерживая зевок. День выдался полным новых впечатлений, и я порядком подустала, – Утро вечера мудренее. Завтра посмотрю, кто там у вас завёлся, – пообещала я.

Глава 6

И всё-таки хорошо, что я смогла найти общий язык со своим домовым. Вот кто ещё смог бы со мной, такой бестолковой в плане древнеславянского быта, возиться и обучать.

– Эх, ничего-то ты не умеешь, – удручённо вздохнул нечисть.

– А я говорила, что ни разу не замешивала теста, и как это делается, я понятия не имею, – напомнила я домовому, стряхивая со своих детских ладошек остатки муки.

– Ну, чему-то же тебя обучали? – раздраженно пробухтело существо, снова шепча в свои маленькие ручки какое-то заклинание, после чего, тесто само начало себя месить с удивительным усердием.

Я вновь вытаращилась во все глаза на происходящее. Было так залипательно смотреть, как предметы сами передвигаются и делаю то, что нужно.

– Вот скажи мне, Казимир, ты говоришь, что я ведьма, – я вопросительно посмотрела на домовика, и он утвердительно кивнул, а я продолжила, – Но почему я тогда так не умею?

Я зажмурилась и попыталась силой мысли приподнять деревянную ложку, лежащую на столе. Ни хрена. Как бы я ни силилась, ничего у меня не получалось.

Затем я снова попыталась повторить свои попытки, но уже с активными взмахами рук и жестикуляцией. Опять, провал. Н-да, что-то я видимо делала не так.

– Ну, и как мне научиться этому самому колдовству или, наверное, правильнее сказать, ведьмовству? – вопросительно посмотрела я на Казимира, – Или, может, я всё-таки не ведьма?

– Ведьма, ведьма, – со вздохом утвердительно качнул головой домовый, – Но молодая ещё и глупая, силы своей пока не узнала. Скоро полная луна будет, глядишь, сила и пробудится.

Домовик тем временем прошептал ещё что-то, и к лихо замешиваемому на столе тесту присоединился большой вилок капусты и нож. Затем к капусте добавилась пара морковин и луковица, и процесс шинковки овощей занял всё моё внимание.

Глядя на то, как быстро мельтешит нож, нарезаая всё тонкими ровными ломтиками, я вспомнила о вчерашних посетителях и своём необдуманном обещании помочь.

– Блин! Я ж к Радовым обещалась зайти, – удрученно выдохнула я, – И что я там должна делать?

Я реально не понимала, что от меня хотели. Чем я могла помочь? И самое непонятное, как я объясню свое появление и поведение хозяевам дома? Что им скажу? Здравствуй, я тут мимо проходила, вот решила заглянуть, так сказать, на вашу нечисть посмотреть. Экстрасенша недоделанная.

– После полудня пойдёшь, – хмуро проговорил домовичок, – Ежели и есть у Радовых нечистая или мёртвая сила, то после полудня лучше увидеть сможешь.

Я безразлично пожала плечами, абсолютно уверенная в том, что ничего я всё равно увидеть не смогу, и никакая я не ведьма. Ну, подумаешь двух домовых, да одного банника увидела, и что? Может это у меня крыша поехала, и моя больная фантазия так со мной шуточки шутит.

– Ладно, я пока к старосте пойду, вещички снесу на обмен, а на обратном пути и к Радовым зайду. Только что я им скажу? Зачем пришла?

– Так сегодня же первый день масленицы, «Встреча». Ты ж сирота, так ничего особенного в том не будет, если ты за милостью придешь, – совершенно спокойно заявил мне Казимир.

– Это я типа побираться должна? Милостыню просить? – ошарашено уставилась я на него.

– А что в этом такого? – также удивленно посмотрел он на меня.

Ладно, потом об этом подумаю. Видимо мой мозг всё-таки ещё не принял произошедшие в моей жизни изменения, новую меня и условия, в которых я теперь пребывала. Что ж поделать, я – нищая и сирота, а ещё подросток и предположительно ведьма. И как всё это принять

тридцатипятилетней женщине, начальнику отдела, с двумя высшими образованиями и устоявшимися привычками злобной мегеры? Глядя на колышущееся отражение в воде кадушки бледного и по-детски юного девичьего лица, в моей голове возникал острый когнитивный диссонанс.

К дому Колобова Трифана я подходила нагруженная, словно гужевая повозка. Пройдя мимо злобно скалившегося на меня пса, я бесцеремонно ввалилась в дом старосты и, не спрашивая разрешения, скинула свою поклажу прямо в центре комнаты на деревянный пол.

– Здравствуйте, Трифан Степанович, – с легким поклоном поздоровалась я, стараясь изобразить почтение к представителю местной власти. Староста, всё ж таки.

– И тебе не хворать, – ответил мужичок, с раздражением глядя на два больших тюка, что я свалила в центре комнаты, – С чем пожаловала?

– Вот вещи братьев и отца надумала продавать. Может, что возьмёте на обмен? Сами знаете, мне помощи ждать не от кого, – закончила я многозначительно с нарочитой печалью в голосе.

Жалобные интонации произвели нужное впечатление. И видимо Трифан наконец-таки вспомнил, что он – староста села, а я – бедная сирота, нуждающаяся в помощи.

– Кхм, – крикнул мужчина и, огладив рукой свою немаленькую бороду, подошёл к тюкам и принялся раскладывать их содержимое.

– Денег не дам, – вынес свой вердикт староста, – Могу дать зерна и масло, мяса вяленого могу ещё предложить. Иван, книгу неси!

После последней фразы, адресованной видимо своему старшему сыну, с которым у меня уже было небольшое знакомство, староста принялся тщательно пересчитывать вслух моё имущество, а его сын что-то записывать за ним в огромную книгу, по типу амбарной.

– Три тулупа и три пары сапог, шесть рубаш, три больших кожаных ремня и два малых, – называл предметы Колобов старший, – Итого, получается, по мешку зерна за каждую овчину, это два мешка и два кувшина масла, оленины кусок и мешочек соли.

Иван с важным видом старательно скрёб острым металлическим стержнем по берестяной коре, большие и грубо вырезанные кусочки которой и служили страницами в этой огромной амбарной книге.

– Простите, уважаемый, – нахмурилась я, – Вы хотели сказать «три мешка зерна».

Подойдя ближе к столу, за которым сидел старший сын старосты, я нагнулась над его записями. Неровные странные и пляшущие во все стороны буквы, отдаленно напоминающие русский алфавит, складывались в мудреные путанные слова. Мне потребовалось раз десь пробежать по строчке взглядом, чтобы уловить смысл написанного.

– Здесь написано, что я отдала вам два тулупа, но их три, как и пар сапог тоже, – хмуро посмотрела я на старшего Колобова.

– Однако. И читать научилась, и считать, – негромко усмехнулся староста.

А его сын злобно хмыкнул:

– Не иначе, черти в гробу научили, – зло прищурился он на меня, а затем его взгляд сменился какой-то странной заинтересованностью.

– Ладно, не будем бога гневить, – махнул рукой Трифан, – Ванька, Никитка, снесите ей полагающееся, а то ещё пойдет молва по сёлам, что Колобовы сироту обидели.

Дважды говорить не пришлось. И уже через пятнадцать минут двое сыновей старосты, нагруженные тяжелыми мешками, входили в мою избу. Младший Колобов, быстро скинув с себя поклажу, тут же выскочил на улицу, попутно осенив себя крестным знаменем. А вот старший отчего-то медлил уходить.

Иван странным взглядом окинул мой дом, затем перевёл его на меня и долго и в упор разглядывал, отчего мне стало ощутимо не по себе. Видимо, он хотел что-то сказать, но внезапный окрик его младшего брата его становил:

– Вань, не надо, пойдём, – слышалось откуда-то с улицы. На это старший Колобов только хмыкнул, прошипел что-то злобное сквозь зубы и вышел. Я же, после его ухода, бросилась запира́ть входную дверь на тяжеленный кованный засов.

Что меня так насторожило во взгляде этого парня? И вроде бы не было в нем ничего пугающего. Парень, как парень, ничего особенного. Но я отчего-то знала, что его надо остерегаться. Откуда возникло в моей голове это понимание, я бы ответить не смогла, но почему-то была в этом уверена.

И только сейчас мне пришла в голову светлая идея расспросить своего домового о местных обитателях.

– Ванька? Ванька Колобов – парень дурной, – покачал головой Казимир на мой вопрос о сыновьях старосты, – А вот младший, Никитка, добрый, беззлобный мальчишка. Кстати твоего возраста парень. И характер у него покладистый, тихий.

– В тихом омуте черти водятся, – угрюмо произнесла я.

– Очень может быть, – согласно качнул головой домовик, – Однако за младшим худого я не слыхивал. А вот старший, тот да. В прошлую осень над Дарьиной старшенькой дочерью чуть не насильничал со своими друзьями. Вот как, – многозначительно закончил Казимир.

– А в ту первую ночь, что после моего воскрешения, уж не он ли со своими приятелями ко мне в дом ломились?

– Он, больше некому, – утвердительно кивнул домовик. А я призадумалась.

И чем, интересно, было вызвано подобное внимание старшего сына Колобова к моей скромной персоне?

– Пора, хозяйшкa, – проговорил Казимир, прерывая мои размышления, – Вон Лукьян уж у калитки топчется.

Поспешно намотав на голову серый пуховый платок, и схватив с печного протвижка теплую лепешку, я плотно запахнула свой тулупчик и выскочила на улицу.

– Здравствуйте, Лукьян, – вежливо поздоровалась я с темным пятном, что притаилось в тени низкого покосившегося частокола моего заборчика.

– И тебе здравствовать, красавица, – слышалось совсем рядом.

– Ну, веди, – кивнула я в сторону дороги, ведущей в центр села, так как куда идти, я не знала.

Пройдя примерно дюжину домов по той же улице, где стоял и мой дом, нечисть остановился возле невысокой ограды и прошмыгнул мимо избы в огород к низенькой закопченной баньке. Я же так и осталась стоять у калитки, не зная, как лучше поступить.

Пока я размышляла, видимо в доме что-то произошло, поскольку не прошло и двух минут, как из избы слышались чьи-то истошные крики.

Поддавшись какому-то совершенно необъяснимому порыву, я рванула к крыльцу, и сама не поняла, как оказалась внутри небольшого дома. На полу лежала девочка лет десяти – одиннадцати вся в синяках. Ребёнок бился в конвульсиях, хватаясь за шею руками и широко раскрывая рот, пытаясь вдохнуть. Рядом с несчастной девочкой на коленях ползала женщина, не в силах помочь своей несчастной дочери. Чуть в стороне стоял бледный мужчина лет сорока. Он был напуган и от волнения и страха кусал губы и нервно тербил в руках мокрое полотенце.

– Настька? – удивленно уставился он на меня, а я же смотрела только на девочку.

И волосы зашевелились у меня на голове, когда я увидела причину удушья ребёнка.

На тонкой белой шейке девочки сидело небольшое странное существо с бледно-зеленой, даже сероватой, кожей. Отвратительного вида нечто, схожее чем-то с двухлетним ребёнком, только маленького размера и совершенно не человеческим взглядом абсолютно чёрных глаз, почувствовав мой взгляд, оторвало от шеи девочки свои маленькие ручки и подняло на меня до дрожи жуткие глаза. С длинных, заострённых, словно иглы, зубов капала зеленоватая слюна. Рот растянулся в хищном оскале, а глаза злобно прищурились.

– Что это, мать вашу, такое? – вдруг вырвалось у меня вслух. Я почувствовала, как мурашки побежали у меня по спине, а руки похолодели так сильно, что кончики пальцев покалывало, словно от сильного мороза.

– Моя добыча, – зашипело странное существо, – Не мешай.

– Отпусти ребёнка, – неожиданно спокойно произнесла я.

– Моя добыча, – снова зашипело нечто, и с новой силой принялось своими ручонками душить несчастную девочку.

Вывав у мужчины из рук его сырое полотенце, я быстро накинула его на странного вида существо и, схватив его руками, принялась отдира́ть его от тела несчастного ребенка.

– Отпусти, ведьма, не губи! – заверещало нечто, когда я наконец смогла отцепить его от шеи девочки.

Я даже не сразу поняла, что мокрое полотенце под моими пальцами стало хрустеть хрусталиками льда, когда я с силой сжимала и удерживала в нем непонятное существо, которое чуть не убило дочку Радовых. И только когда шевеление в моих руках прекратилось, а крики и истошный визг утихли, я с растерянностью замерла и уставилась на замёрзший обледенелый льняной комок в моих руках.

Решение пришло в голову неожиданно. И вновь поддавшись какому-то порыву, поспешно отпихнув печную заслонку в сторону, я с силой швырнула свою поклажу прямо внутрь жарко растопленной печи. Пламя мгновенно охватило заледеневшее полотенце, а я дорожащими руками быстро приставила заслонку обратно, дабы не видеть, что стало с тем, что было внутри этого замёрзшего комка.

Я стояла всем телом прижавшись к горячей печи, задыхаясь от страха и волнения, которые сейчас испытала, крепко сжимая в своих руках ручку от раскаленной заслонки, и даже не чувствуя боли от жара. Сердце колотилась, руки и ноги дрожали, зубы отбивали дробь.

Тем временем девочка, лежавшая на полу зашевелилась, вздохнула и рвано закашлялась.

– Софья, Софьюшка! – облегчённо заголосила женщина, кидаясь обнимать своё дитя.

Через пару мгновений пришёл в себя и растерявшийся мужчина.

– Настя? – уставилась на меня маленькая Софья, – Откуда ты тут?

– Мимо походила, – начала оправдываться я, – Услышала крики, вот и прибежала.

Утирая слёзы, женщина испуганно посмотрела на меня. А я же, пошарив по углам избы Радовых глазами, несмело обратилась к хозяевам дома:

– Могу я заглянуть в вашу баню?

– Ээээ, так там того..., этого..., не топлено, – заикаясь, просипел мужчина.

– Мне только взглянуть на кое-что надо, и я вас больше не потревожу, – пообещала я.

На мои слова сразу откликнулась хозяйка дома:

– Конечно, Настя. Иди, если нужно, – топливо разрешила женщина.

Тяжело выдохнув, я опасливо заглянула за тяжеленную заслонку печи и, не увидев внутри ничего, коме бушующего пламени, я облегчённо приставила её обратно.

– Покажитесь, – тихо произнесла я в морозную прохладу нетопленного тёмного помещения маленькой баньки.

Присев на низенькую деревянную скамеечку я хмуро разглядывала закопченные стены и полог, подперев обеими ладонями подбородок.

От тёмного угла отделилось два небольших пятна, и через некоторое мгновение передо мной уже стояли Лукьян и Ведогор.

– Ну, и что это было? – поинтересовалась я.

– Нежить, – тихо ответил банник, – Малая болотница, или кикимора, если по-простому.

– Кикимора? – удивленно раскрыла я рот.

– Да, кикимора, – кивнул домовой, – Но не простая, а обращённая в нежить.

Банник сначала было кинулся на домовика с кулаками, а потом начал рвать на себе свои седые волосы:

– Говорил я тебе, что нельзя дом без присмотра оставлять! – запричитал Ведогор, – Только ты за порог, и тварь тут как тут. Почувствовала, что защиты дома нету, вот и набросилась. А Софьюшка, как нарочно, нательный крестик свой обронила, веревочка порвалась ещё третьего дня. Вот тварь на неё и накинута. А кто я такой, чтобы нежить противостоять? Разве ж мне её одолеть?

Банник ударился в рыдания, помрачневший Лукьян принялся его утешать.

– Ох, нутром чую, не последняя эта болотница, что нежитью обернулась, – сокрушенно вздохнул домовой, – Хорошо навьюшка вовремя подоспела, одолела тварь поганую.

– Дааа, – задумчиво протянул Ведогор, – Есть теперь кому село защитить, у кого помощи просить. Всё ж таки не оставил нас светлый бор Сварог, не оставил на произвол судьбы, да на растерзание.

При мысли о том, что я собственноручно сожгла в печи непонятное нечто, у меня снова по спине пробежал холодок, а к горлу подступил тошнотворный комок.

– В печи сожгла, – угрюмо констатировала я факт своей помощи и снова неприятно поёжилась от жутких воспоминаний, – Если конечно оно вообще горит и умирает.

– Ещё как, – довольно закивал банник, – Огнём нежить одолеть – самое верное средство. Ещё можно кол осиновый в грудину.

– Неет, – прервал его домовик, – Кол осиновый лучшее средство от упырей и ламий, ну то есть от всех кровососущих. А от прочих ходячих умертвий только заклятия, да заговоры помогают, усыпляют и останавливают их. Наверняка упокоить может только отсечение головы, да огонь.

Осознание произошедшего медленно настигало меня. Спутанные от волнения мысли постепенно выстраивались в спокойный размеренный ряд. И я с ужасом начала осознавать, что всё происходившее со мной не сон, это всё по-настоящему.

И только эта ошеломляющая мысль всплыла у меня в голове, как всё вокруг меня закружилось, а сама я начала куда-то проваливаться.

– Ох, ты ж девонька, – вдруг неожиданно запричитал банник, брызгая на меня ледяной водой из деревянной кадушки.

Я вдруг с удивлением обнаружила себя лежащей на полу в баньке, а надо мной склонились два представителя местной нечисти. Что со мной такое? Неужели обморок?

– Погоди-ка милая, я тебе сейчас облегчение сделаю, – затараторил Лукьян и затем, отвернувшись от меня в пол оборота, зашептал что-то в свои маленькие ладошки.

Прошла секунда, вторая, третья, и от моего душевного потрясения не осталось ни следа. Я с полным спокойствием разглядывала темные деревянные балки потолка низенькой закопчённой бани Радовых, и меня совершенно не волновало ни сожжённая мною нежить, ни эти странные существа вокруг, именуемые нечистью, ни кто я, ни где нахожусь. Меня вообще больше ничего не волновало, меня накрыл полный абсолютный пофигизм.

– Э-ка ты её приложил, – удивленно покачал головой Ведогор, – Ведьмы народ чувствительный и ранимый, с ними аккуратно надо, как бы не осерчала потом.

– Не рассчитал немного, – виновато закричал Лукьян, – Думал, сейчас в истерику впадёт. Хоть и ведьма, а напугалась сильно, девчонка ещё совсем, ребёнок. Вот я и решил чутка успокоить, но видимо немного перестарался.

– Ты давай-ка лучше иди хозяев успокой, – хмуро покачал головой банник, – Хоть они и не могли разглядеть нежить, но всё ж таки наверняка уразумели, что что-то Настасья в печи сожгла.

Медленно бредя к калитке Радовых, я безразлично разглядывала окружающий пейзаж и мужчину, что топтался на одном и том же месте возле крыльца избы.

– Спасибо, Настя, – неожиданно поклонился Радов Степан и опасливо посмотрел на меня, – Ежели чего надобно, заходи. Мы завсегда тебе рады будем, – торопливо добавил он и поспешно удалился.

Весь путь домой меня не оставляло какое-то странное ощущение чьего-то присутствия. Остановившись возле невысокой изгороди своего дома, я обернулась, но никого не обнаружила. Со стороны села слышались детские голоса и лай собак, где-то что-то стучало, кто-то с кем-то ругался, а со стороны примыкающего к моему дому леса не показалось ни души.

Неожиданный порыв ветра подхватил мою растрепавшуюся косу, выбившуюся из платка, и начал играть моими волосами. Белые сверкающие хрусталики снега закружились вокруг меня, подхваченные ветерком, образуя небольшой вихрь, который странным образом не развеивался, а продолжал кружиться рядом. И мне бы надо было бы удивиться такой странной природе этого вихря и его стабильности, но после непонятого воздействия Лукьяна, меня вообще сейчас ничего не удивляло, даже если бы из леса показался снежный человек. И даже когда в разросшемся снежном торнадо мне почудилось чьё-то лицо со смеющимися голубыми глазами и белыми платиновыми волосами, меня и это нисколько не удивило. Я лишь несколько раз моргнула, и видение смазлось, растворяясь в потоке снежной массы.

Н-да. Уже пошли галлюцинации. Домой, срочно домой.

Глава 7

Остаток дня прошел довольно тихо, большую часть которого я просидела возле печки, тупо уставившись в огонь. Казимир меня не беспокоил. Он только угрюмо что-то хмыкнул и с сожалением покачал головой.

Вечером прибежал Мишка, сынок Матрёны и Макара, принёс целое блюдо свежее испечённых блинов, да маленький горшочек мёда. После него, примерно через час, заглянул ко мне и Степан Радов. Не проронив ни слова, он поклонился образам в правом углу моей избы, перекрестился, положил на стол небольшой узелок и также тихо вышел. В свертке оказались ещё теплые блины, а в маленькой крынке сливочное масло.

Утром следующего дня я решила как следует обследовать свои владения. Дом, сарай, пара непонятных ветхих построек в конце участка и маленькая низенькая банька, точная копия той, что я посетила у семейства Зубовых, Матрёны и Макара, составляли всю мою недвижимость.

Интересно, а где же наш банник? И есть ли он вообще у нас?

– А скажи-ка мне, Казимир, что же наш банник? Есть он у нас?

На мой вопрос домовичок только удручённо отрицательно покачал своей головой. Нету стало быть.

– Как так? – поинтересовалась я.

– Нежить, – хмуро лишь буркнул он в ответ и отвернулся, – И ты это..., хозяйка, не ходи туда. Я тебе и тут воды согрею, ежели помыться захочется.

Что-то мой квартирант явно недоговаривал. Почему же мне нельзя в собственную баньку зайти?

– Только не говори, что и у нас там нежить поселилась? – изумленно посмотрела я на него и потребовала, – Ты не финти, давай. Говори, как есть. Почему мне лучше туда не ходить?

Казимир, почесал свой седой затылок и как-то весь ссутулился.

– После смерти бабки Ядвиги нечисть лесная сильно озорничать стала, а вслед за нею и нежить подтянулась, чувствуя, что нету больше у села защиты. Что могут домовые противопоставить нежити? Да ничего. Наши заговоры только быта касаются, там прибрать, тут подлатать, здесь помочь, за детишками присмотреть, скотинку подлечить. Не воины мы, понимаешь?

Он многозначительно замолчал и, видя мой живой интерес к его словам, через непродолжительную паузу продолжил:

– Баньке, как и дому любому, хозяева нужны. Пусть и не часто, но чтоб кто-то захаживал, да изредка протапливал, травы там опять-таки сушили чтоб, да венички. Банники сильно любят, чтоб банькой пользовались. А после смерти родителей и братьев Настенька затапливать перестала, всё в избе возле печи омывалась, травы не сушила, венички не вязала, мыла не варила. Вот банник и осерчал. Банька его в запустение приходила. А за пару недель до твоей..., точнее Настиной гибели, он и вовсе пропал. Лукьян сказывал, что видел его у калитки нашей, но уже не он это был, а нежить. Вот так-то, нежитью обернулся. Что с ним и как, я и по сей день не ведаю.

Казимир снова удрученно вздохнул, а я же, так и не получив на свой вопрос ответа, снова переспросила совсем поникшего домовика:

– Так почему мне туда нельзя?

– Так ведь нежить там обитала. Я как узнал об этом, так сразу заговор поставил, дверь затворил.

Так, значит. Банька, получается, есть, а вот пользоваться ею нельзя. И мне бы прислушаться к словам домового, но что-то упрямо подталкивало меня сходить туда, посмотреть.

– Пойду, гляну, – решительно заявила я домовичку, попутно заматывая на себе пуховый платок.

– Вот ведь! – всплеснул руками Казимир, – Видно ведьмино упрямство просыпается, – и уже обречённо махнув на меня рукой, добавил, – Пёс с тобой, вместе пошли.

Пробираясь через невысокий сугроб, покрытый ледяной коркой, благо солнце уже почти по-весеннему стало пригревать, мы с Казимиром дошли до низенькой закопченной деревянной постройки, сложенной из грубо обтесанного сруба. На двери не было никаких запоров и замков, она просто была подперта небольшим деревянным чурбаком.

– Погоди-ка, – остановил меня домовик, когда я уже было потянулась, чтобы убрать в сторону деревяшку, подпирающую дверь.

Решив не спорить с представителем нечисти, я молча взирала на то, как мой сопровождающий что-то тихо прошептал себе в кулачок, два раза хлопнул в ладоши и разок притопнул ногой, а уж потом кивнул мне, что мол дескать можно отпираться.

Меня дважды просить не пришлось. Раздираемая каким-то неведомым мне до этого, любопытством, я принялась оттащить в сторону поленце, а у самой руки дрожали от какого-то странного волнения, смешенного со страхом переде неопределённым нечто.

Скрипнула дверь, и на меня пахнуло чем-то затхлым. И не успела я ничего понять, как меня словно обухом по голове ударило. Дышать стало трудно, горло сдавило, словно железными тисками, а грудь будто припечатало огромным камнем.

– Чтоб тебя, прочь поди! – закричал домовик, делая какие-то непонятные посылы и жесты руками.

Внезапно я почувствовала, как тело моё обессилело осело на пол, а легкие снова наполнились кислородом. От страха руки мои похолодели так, что кончики пальцев покрылись белым инеем, а лавка и пол, к которым я прикасалась, сковало коркой льда.

Повисла жуткая тишина, нарушаемая лишь моим рваным прерывистым дыханием, которое вернулось ко мне также внезапно, как и было остановлено. Сколько я так просидела? Не понятно.

– Чт.. чт.. что это было? – заикаясь прошептала я пересохшими губами.

– Морок, – хмуро проговорил домовик, а затем заинтересованно уставился на мои руки, – А ну-ка, красавица, положи-ка руку вот сюда.

И с этими словами он пододвинул ко мне ближе небольшую деревянную кадучку на половину заполненную водой. Едва мои пальцы коснулись поверхности, как тонкая паутинка льда заволокла красивым замысловатым узором водную гладь.

– Ага, – чему-то удивленно крикнул Казимир, а затем, шустро выскочив на улицу, он вернулся с полным ковшом снега, содержимое которого быстро вытряхнул мне на ладони.

– Не тает, а должен бы, – удовлетворенно закивал головой мужичонка и, как бы проверяя, коснулся своей маленькой ладошкой моей руки, – Хм, тёплая, живая, и сердце бьётся, как у обычных людей.

– Что-то мне не хорошо, – проговорила я, чувствуя, как к горлу подступает рвота.

После моих слов, Казимир, что-то снова прошептал себе в кулачок, и чудодейственным образом тошнота отступила, и меня снова накрыл полный абсолютный пофигизм.

– Красиво-то как, – с блаженной идиотской улыбкой уставилась я на закопченные стены помещения, – Ты только глянь, Казимир, как красиво чёрная плесень разрослась по деревянным балочкам. А запах какой? Ммммм, потрясающе! Словно в канализации бомж сдох. Ты только посмотри, как здорово мыши пол прогрызли вон в том углу! А там такая огромная паутина, вау!

– Эх, тебя приголубило, – ошарашено уставился на меня домовик и поцокал языком, оглядывая меня всю с головы до ног.

Как вернулась домой, я не помнила, как и остаток дня.

Следующее же утро началось для меня с головной боли.

– Казимир, – промычала я, сползая с теплой печи, – Что-то у меня голова болит так, словно с похмелья. Я же вроде бы ничего вчера не употребляла?

Домовик как-то виновато опустил свои глаза:

– Прости, хозяйка. Это я так тебя вчера заговором угостил. Да, видно перестарался. После того как ты под действие морока попала, тебе совсем плохо сделалось, с лица румянец спал, руки затряслись, губы посинели. Вот я и подсобил, чтоб тебя отпустило побыстрее.

– Аааа, понятно, – кивнула я, поморщившись от головной боли, а затем добавила, – А ощущение такое, что я вчера изрядно напилась.

– Этому делу легко помочь, – лукаво ухмыльнулся нечисть и достал с полочки небольшой кувшинчик.

Поставив передо мной маленькую глиняную стопочку, он наполнил её янтарной жидкостью и весело кивнул, намекая, что я должна это выпить.

Долго не раздумывая, я быстро опрокинула в себя содержимое стаканчика и в следующий миг ощутила, как рот, горло и пищевод обожгло крепким алкоголем.

– Ключница водку делала, – прохрипела я осипшим голосом известную фразу из знаменитого кинофильма и быстро запихнула в рот теплый масляный блин.

– Ох, – облегченно выдохнула я, и укоризненно посмотрела на своего домового, – Препреждать о таком надо.

На это Казимир мне ничего не ответил, а только пододвинул ближе тарелку с блинами, кувшинчик мёда и масло, что вчера принёс Степан. Алкоголь медленно разливался по всему моему организму тёплой волной. Головная боль постепенно проходила, возвращая хорошее настроение и здоровый аппетит.

Пока я жевала, мысли мои то и дело возвращались к событиям вчерашнего дня и позавчерашнего тоже. Нежить, морок, заговоры, отвороты, привороты, отвод глаз, домовые, банники, болотники, от всей этой чертовщины голова кругом идёт. Жуть.

– А скажи-ка мне, друг мой, Казимир. Что за морок такой вчера мне посчастливилось испытать на себе? И кто его там оставил или наслал? – поинтересовалась я у своего квартиранта.

– Чары мёртвых мороком кличут, смертельные чары это, проклятые, – Казимир как-то нахмурился и озадаченно почесал свой затылок, – Простому человеку от такого не выжить. Ты же ведьма, на тебя чары в полсилы действуют, да ещё и я помог скорее развеять. Только вот вопрос в том, что простой нежити не под силу оставить после себя подобное, это только может нежить второго порядка, да и то, не самая слабая. Но откуда ж ей тут взяться?

– Второго порядка? А какого ещё бывает нежить? – заинтересованно уточнила я у него.

– Первого, второго и третьего, – сказал он задумчиво, словно на автомате, а затем, увидев интерес в моих глазах, пояснил, – Или если простым языком выражаться, то бывает нежить низшая, старшая и высшая. К низший нежити относят всех безмозглых умертвий: зомби, скелетов, ну короче всех мёртвых, в том числе и животных. К нежити второго порядка, а точнее старшей, относятся обращённые разумные и животные, то есть обычные измененные люди и звери, также и магические существа, например представители нечисти. Вот, например, та обращенная болотница, что ты в печи у Радовых сожгла, была нежитью второго порядка. Но и тут своя иерархия есть, ведь и среди старшей нежити есть различия по возможностям и силе. Тут всё зависит от того, кого в эту нежить обратили. Скажем у той же самой болотницы сил не много, а вот если в нежить самого болотника или лешего обратить, то тут совсем другой расклад по силе получается. Также не особо сильные представители нежити получаются из простых людей или животных, а вот из всяких там одарённых, ведьм, шептунов и колдунов могут получиться сильные мёртвые маги, их в простонародье кликушами и кромешниками кличут. Высшей нежитью считают сильных кровососущих, таких называют ламиями. Это опасные древние твари, телесно и магически сильные, способные внушить своей жертве любое

видение, морок или просто свести с ума. Одна такая тварь может за одну ночь всё село выпить, и не только людей, но и животных. Так-то.

Чем дольше я слушала рассказ Казимира, тем больше мне становилось не по себе.

– А скажи-ка мне, Казимир, всегда ли нежить льдом покрывается? Это у неё свойство что ли такое? – спросила я у своего домовика, вспоминая, как мне удалось упокоить ту самую болотницу, что в нежить обратилась.

Нечисть как-то странно хмыкнул:

– Да нет, не всегда. А скорее всего никогда. И не свойство это. А точнее не её свойство, а твоё.

От услышанных слов я застыла с открытым ртом, из которого чуть не вывалился откушенный блин.

– Да, да, – весело крикнул мужичонка, довольный произведенным эффектом от своих слов, – Ты, девонька, видно забыла кем являешься?

Мой рот захлопнулся, а глаза вопросительно округлились.

– Тебе напомнить, как ты в этот мир пришла и кем стала? – сделал он серьёзное лицо, а затем сам и ответил на свой собственный вопрос, – Ведьмой. Да не простой, а ледяной.

Я подавилась непрожёванным куском и громко закашлялась. А мой собеседник лихо подскочил ко мне и стал усиленно хлопать меня по спине и приговаривать:

– Неужто не заметила, что холода не чувствуешь? – вопросительно заглянул он в моё лицо, – А что снег в ладошках твоих не тает, тоже не заметила?

До меня медленно доходило. Правда ведь, я ни раз уже замечала всё это, но не придавала никакого значения всем этим деталям, считая их не существенными, и списывая всё это на особенности этого странного мира, в который меня занесло таким чудесным образом.

Глава 8

Дни шли своим чередом, один сменяя другой, вот уж и пятница наступила. А я так и оставалась дома, лишь изредка выходила то на двор и огород, то на улицу. И поскольку дом мой находился на самой окраине, то и соответственно и смотреть из окошка мне было не на что. Редкий случай пройдет мимо моей избы одинокий охотник, либо какой-нибудь односельчанин с санями в лес за дровами или хворостом. Одним словом скука смертная.

Хотя, если быть до конца откровенной, по-настоящему скучно мне стало только сегодня. А до этого я активно пыталась-таки влиться в быт и обустройство своего жилища. А параллельно старалась прислушаться к себе, ведь Казимир упорно уверял меня, что я – самая настоящая ведьма. Но где же тогда мои силы? Эх... Видимо, я всё же какая-то неправильная ведьма.

Вот уже три дня, я маялась бездельем и не знала куда себя деть. Целых три дня я одолевала своего домового, прося, чтобы он хоть чему-нибудь меня научил. На это домовичок только вздыхал:

– Не могу, хозяйюшка, твоя магия другая совсем, от неё холодом веет.

– Ну давай, хоть по хозяйству чем помогу, – решила проявить я настойчивость, желая быть полезной и не сидеть на шее у своего квартиранта.

Н-да. Что тут сказать? Готовка и в прошлой жизни мне удавалась не очень, а уж тут без мультиварки, пароварки, блендера, миксера и тефлоновой сковороды вообще никак. Вы когда-нибудь пробовали замесить тесто руками? Вот лично я, ни разу. Я всегда покупала уже готовые пироги в пекарне за углом. А тут же надо сначала смолоть муку, просеять её, затем уж замесить тесто, а это тоже целая наука, дать ему выстояться, приготовить начинку, и желательно действительно съедобную, а уж потом слепить пирожки и выпечь их в русской печи.

Результат моих кулинарных потуг шокировал не только Казимира, но и пришедших к нам в гости Лукьяна с Ведогором. Тесто оказалось просто каменным и не пропечённым, а начинка пересоленной и подгоревшей.

– Эм..., хозяйюшка, мы тут тебе гостинцы собрали, так сказать в знак благодарности за избавление от нежити, – проговорил с поклоном Ведогор и протянул скромненький свёрток, в котором оказался кусочек солонины и небольшой мешочек высушенной вишни.

– Спасибо, – улыбнулась я подарку, радуясь готовым продуктам.

А Лукьян достал откуда-то запотевшую бутылочку чего-то тёмно-оранжевого, почти коричневого.

– Рябиновая наливочка, – любовно огладил он край бутылки.

Уже через полчаса, вся компания весело расположилась за столом и употребляла принесенное подношение.

– Ты это..., красавица, на наливочку сильно не налегай, – предупредил меня Лукьян, – Рябиновая наливка коварная, пьётся мягко, но ударяет в голову быстро.

И правда, уже через час вся компания оказалась изрядно навеселе. Ведогор с Казимиром принялись горланить какую-то заунывную песню, а мы с Лукьяном пытались им подпевать.

– И канул о-о-он, и пёс его издо-о-ох, а дом его сго-о-орел, – выводили печальные слова домовые.

Я хлюпнула носом, проникшись словами грустной песни, а затем вспомнила, как сама ещё будучи в школе состояла в хоровом кружке, которым руководила подруга моей бабушки. А сама же бабушка была преподавателем русской литературы. Воспоминания о том приятном времени окончательно ввергли меня в уныние. Так, надо собраться! Нельзя раскисать!

– Всё! Хватит! – громко ударила я кулачком по столу и звонко икнула.

Пьяные представители нечисти в ответ также неожиданно икнули и испуганно уставились на меня. А я распрямив плечи и выставив грудь вперёд, хотя в моём случае выставять и хвастаться было откровенно нечем, запела:

Валенки, да, валенки, ой

Да не подшиты стареньки

Нельзя валенки носить

Не в чем к милому ходить

Валенки, валенки

Эх, не подшиты стареньки

Валенки, валенки

Ой, да, не подшиты стареньки

Ой, ты Коля, Николай

Сиди дома, не гуляй

Не ходи на тот конец

Ох, не носи девкам колец

Валенки, валенки

Эх, не подшиты стареньки

Валенки, валенки

Эх, не подшиты стареньки...

Я пела, разливаясь звонким девичьим голосочком, а местная нечисть на припевах мне активно подпевала. Хмельное веселье набирало обороты. Затем кто-то запел частушку, его подхватили остальные.

Видимо градус выпитого достиг определённого уровня, что и меня с частушками понесло:

У Володьки – гармониста

Пиджачок рублей за триста,

На червонец пирогов,

И на гривенник мозгов!

Охмуряла я парнишку,

Ой, молоденький, такой!

И на вид совсем зелёный,

Оказалось – голубой!

Девки больше не дают

Всем парням бездельникам.

К нам приехал массовик

С во-о-от таким затейником!

О-па, о-па, залёная ограда...

Но тут я внезапно осеклась, понимая, что меня окончательно понесло, и частушки Сектора Газа чуть не соскочили с моего пьяного дурного языка.

– А дальше? – заинтересованно уставились на меня мужички.

Я издала пьяный смешок и лукаво подмигнула:

– А дальше контент 18+, – загадочно проговорила я.

В тот вечер мы ещё долго сидели, смеясь и потешаясь весёлым рассказам домовых, а разошлись уже глубоко за полночь.

Вчера уже ближе к вечеру прибежал Мишка, передал приглашение от Матрёны в баню. Я, конечно же, несказанно обрадовалась и поспешила заверить, что приду и помогу подружке с помывкой её младших деток.

И вот сегодня пятница, а я так и не нашла за эти дни себе занятия, с которым способна справиться хоть на троечку. Готовить у меня нормально не получалось, стирать так же, шила я так себе, вязать не умела, а прясть отказалась сразу, понимая, что ни за что мне не осилить эту науку.

– Ох, нет от меня никакой пользы, – удручённо покачала я свой головой, подперев обоими кулачками подбородок и глядя на то, как ловко Казимир управляет с печной кочергой и ухватом.

– Не бойсь, хозяйка, – подбодрил меня домовик, – Проживём как-нибудь, прокормимся.

Я поднялась с лавки и снова начала бродить туда-сюда, не зная, чем заняться. Вечерами было особенно скучно. Прильнув к мутным стёклышкам своего окошка, я принялась рассматривать заснеженную улицу, сожалея, что мой дом стоял на окраине села, а не в его центре, где сейчас парни и девушки устроили гуляние с катаниями на санях, да снежными забавами.

– Гостя к тебе, хозяйюшка, – услышала я голос Казимира, который поспешил скрыться за занавеской у печи.

И действительно, уже через несколько секунд, в избу вошла разруганная на вечернем морозце Матрёна.

– Так и думала, что ты дома опять сидишь, – хмуро покачала она головой, попутно развязывая на себе платок.

Я только хмыкнула и, потрогав на столе самовар и убедившись, что он ещё горячий, налила подружке чай, приготовленный из сушёного смородинового листа.

– Завтра «Золовкины посиделки», – наконец выдала она причину своего прихода, – У меня в избе соберутся мои сёстры, да сёстры Макара, и ещё с дюжину девчат. Так вот, и тебе бы хорошо прийти.

Я ненадолго задумалась, а затем со скепсисом в голосе произнесла:

– Но я же никого там не знаю.

Матрёна снова нахмурилась:

– Как это? – а потом словно что-то вспомнив, она добавила, – Ах, ну да. Не помнишь их. Вот снова и познакомитесь.

Я безразлично пожала плечами, соглашаясь. Уж лучше в компании неизвестных людей провести вечер, чем снова сидеть в своей избе и маяться от скуки.

После обеда следующего дня ко мне вновь прибежал Мишка, напоминая о вечерних посиделках. Хотя я бы и сама ни за что бы их непустила, ведь готовиться к ним начала ещё с самого утра.

И вот теперь, стараниями своего домового на мне красовался расшитый красной шерстяной нитью плотный сарафан и такая же плотная сорочка, на рукавах которой были вышиты этнические узоры в виде птиц и цветов. Вещи эти очевидно принадлежали прежней Анастасии, и были мною обнаружены на дне одного из сундуков. Ножки были обуты в небольшие тёмные валенки, на плечах красовался вычищенный долгими усилиями Казимира светлый тулупчик. А в косу были вплетены ленты и цветы нивяника, а по-простому ромашки обыкновенной.

Увидев меня на пороге своего дома, Матрёна просияла улыбкой и воскликнула:

– Ну девка, ну красавица! Невестушка прям! – одобрительно окинула меня взглядом подруга и потянула за руку в избу.

– Вот и наша Настенька пришла, – представила она меня сидящим за столом девушками и женщинам, а мне же добавила, – Раздевайся, садись с нами чаёвничать.

Я кивнула в знак приветствия и согласия и, примостившись с краю на длинной лавке, принялась рассматривать остальных гостей.

Чая как такового на столе не было, но были отвары из малины и вишни, сладкая медовуха и смородиновая наливочка.

Сёстры Макара, Степанида и Устинья, держались особняком, общались сдержанно и осуждающе поглядывали на других девушек, открыто хохочущих какой-то шутке Матрёны. Они мне совсем не понравились, возможно, из-за их надменного взгляда в мой адрес и нарочитой холодности в общении с Матрёной. Ну что ж, это их семейные разборки.

А вот три сестры Матрёны, Дарья, Варвара и Елизавета, мне приглянулись сразу. Их живой нрав и весёлые шутки пришлись мне по сердцу.

Были здесь ещё несколько подруг Матрёны, имена которых я не запомнила, хотя очень старалась это сделать. Трое из них были замужем, о чём свидетельствовали тонкие медные колечки на их безымянных пальцах, а также глухие платки с киками (такой головной убор) на головах, из-под которых не выбивалось ни единого волоса. Помнится, что ещё в детстве моя бабушка рассказывала, что на Руси замужние женщины обязательно ходили с покровом на голове, волосы аккуратно убирались под головные уборы или просто платки, тем самым отмечая статус замужней женщины. Не было ничего страшнее оказаться без убора, ведь считалось, что выставленные напоказ волосы замужней женщины способны накликать беду или горе не только на неё саму, но и на всех окружающих. Даже в заговорах просили: «Избави меня от колдуна, девки гладковолосой, да бабы простоволосой». Отсюда видимо и пошло выражение «опростоволоситься», то есть опозориться. А вот уж юные незамужние девушки вовсю щеголяли с непокрытой головой, хвастая своими длинными густыми волосами, туго заплетёнными в косу. Не возбранялось украсить волосы лентами и цветами, но главным украшением оставались, конечно, сами волосы, их здоровый блеск и густота. Именно по этим критериям будущие свекрови оценивали здоровье своих невесток.

И вот сейчас, рассматривая около дюжины представительниц прекрасного пола, я безошибочно смогла определить их семейное положение и статус. Молодые девушки держались своей весёлой стайкой, о чём-то весело шептались и пересмеивались. Среди них мне показалось знакомым одно лицо со светлой длинной косой, украшенной тёмной лентой. Я начала напрягать память, пытаясь вспомнить, где же я могла её уже видеть.

– Любаша, останешься с нами погадать? – обратилась одна из сестёр Матрёны к светло-волосой девушке, и я тут же вспомнила разъярённую девицу, ударившую меня дверью кузни.

– Даже не знаю, – капризно сморщила она носик, попутно бросая на меня презрительный взгляд.

Вечер набирал обороты, блины были съедены, медовуха и отвары выпиты, и замужние гости засобирались домой.

– А теперь давайте гадать! – воскликнула Варя, когда за сёстрами Макара закрылась дверь.

Остальные девушки поддержали затею весёлыми возгласами и принялись убирать со стола всю снедь и посуду. Кто-то поставил на центр стола большую деревянную лохань, а кто-то достал настоящие восковые свечи. Ого! Вот свечей я в этом мире пока ещё не видела. Для освещения изб в основном пользовались лучинами. Не каждая изба могла похвастаться даже лампадками возле образов, не говоря уже о масляных лампах. В нашем селе подобная роскошь имела только в доме старосты. О как!

Наполняя лохань водой, девушки принялись распевать девичьи песни о прекрасных юношах, о возлюбленных и будущих мужьях, прося судьбу подарить им доброго и ласкового спутника жизни.

– Главное, чтобы любил, – сказала одна из девушек, капая раскаленный воск в воду и пытаясь разглядеть в получившейся восковой кляксе хоть что-то.

– Главное, чтобы не пил, – сказала вторая девушка, последовав примеру первой, опрокинув свечу над водой.

– Главное, чтобы не бил, – сказала третья, боязливо передёрнув плечами и, выудив пальцем из воды светлый комочек воска, принялась вертеть его в руках.

Я с каким-то сумасшедшим весельем смотрела на всё происходящее.

– Что они делают? – шепотом спросила я у Матрёны, которая проверяла на печи своих спящих детишек.

– Как что? Гадают на суженого конечно, – как само собой разумеющееся ответила мне подруга, – Давай, и ты попробуй, – подтолкнула меня женщина к склонённым над столом девушкам.

– На, Настенька, твой черёд, – проговорила Дарья, вручая мне зажженную свечу.

– Я не знаю, что делать, – растеряно проговорила я, склоняясь над лоханью с водой.

– Надо просто пожелать увидеть своего суженого, – проговорила девушка, направляя мою руку, чтобы я вылила оплавившийся воск в воду.

Пламя свечи подёрнулось и зашипело, воск оплавился чёрным нагаром и упал странной трёхлапой каракулей в воду.

– Эх, воск потемнел, примета плохая, – испуганно прошептал кто-то.

А я же не могла оторвать от этой замысловатой потемневшей кляксы своего взгляда.

– Кого ты загадала, Настенька? – испуганно спросила меня Варвара.

– Возлюбленного, – коротко ответила я и вновь вгляделась в чёрный застывший воск.

– И что видишь? – настороженно спросила меня Варя, – Что-нибудь мерещится? Какой он?

Я нагнулась ниже и прищурилась. И вдруг перед глазами всё поплыло, а перед моим взором совершенно неожиданно показались тёплые светло-карие глаза в обрамлении тёмных густых бровей. Затем внезапно картинка смазалась, и вдруг на меня смотрели уже глаза цвета стали, глубокого насыщенного серого цвета. Но и они вдруг исчезли, а на смену им появились ярко-голубые.

На последнем видении я испуганно отшатнулась от стола, часто заморгав и развеивая стоявшую перед глазами картинку.

– Бред какой-то, глупости всё это, – раздражённо произнесла я, а потом нарочито весёлым голосом спросила у девушек, – Неужели вы во всё это верите?

– Конечно, – мечтательно улыбнулась Дарья, а все остальные робко закивали в знак согласия.

Я ещё раз встряхнула головой, окончательно избавившись от нахлынувшего на меня наваждения, и с легкой улыбкой произнесла:

– Ерунда всё это, сказки.

А потом, поддавшись какому-то наитию, вспомнив знаменитый стих Жуковского, я заговорила нараспев:

Раз в крещенский вечерок

Девушки гадали:

За ворота башмачок,

Сняв с ноги, бросали;

Снег пололи; под окном

Слушали; кормили

Счетным курицу зерном;

Ярый воск топили;

В чашу с чистою водой

Клади перстень золотой,

Серьги изумрудны;

Расстилали белый плат

И над чашей пели в лад

Песенки подблюдны...

Вот в светлице стол накрыт

Белой пеленою;

И на том столе стоит

Зеркало с свечою;

Два прибора на столе.

«Загадай, Светлана;

В чистом зеркала стекле

В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».
Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Темно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,

Вестник полуночи...

Я говорила, а девушки все обратились в слух, подавшись вперед и ловя моё каждое слово. Когда же последние строки стихотворения закончились, они так и продолжали молчать.

Наступила полнейшая тишина, нарушаемая лишь тихим треском лучин, да далёким лаем собак где-то на улице. И вдруг в этом полнейшем безмолвии, с громким скрипом распахнулась дверь. Все девушки испугано обернулись и замерли.

Из тёмного дверного проёма показалась сначала одна человеческая нога, затем другая... Кто-то из девушек неожиданно взвизгнул. К одному испуганному девичьему голосу добавился второй, затем третий. Через каких-то пару секунд ор и визг стоял такой, что я чуть не оглохла.

– Уууу, шалые! – раздался чей-то низкий голос от двери.

И в следующую минуту в избу ввалился подвыпивший Макар, сыпля проклятиями на бестолковых девиц, которые перебудили половину села своими истошными воплями.

Глава 9

Воскресенье ознаменовалось большим праздником – проводами масленицы. И как сказал мой домовый: «Разговению конец, посту великому начало».

С самого утра на улице наблюдалось оживление. Даже мне было видно, как мимо моей избы туда-сюда снуют односельчане и деревенская ребятня.

– Настя! – раздались громкие девичьи голосочки откуда-то с улицы.

Мне даже показалось, что я ослышалась, но прижав свой нос к холодному стеклышку окошка, увидела три фигурки возле моего забора, одна из которых активно махала мне рукой.

– Матрёнины сёстры тебя на гуляние кличут, – разъяснил всё происходящее Казимир, – Давай, красавица, собирайся. Не дело молодой девке от людей прятаться.

И с этими словами он приготовил мне плотный сарафан, и валенки. А мои тёплые штаны, которые я обычно надевала, когда собиралась на улицу, он поспешно засунул в сундук, а затем посмотрел на меня осуждающе и безапелляционно.

– Ладно, ладно, сарафан так сарафан, – сдалась я на его немой уговор.

Обрадованный моей сговорчивостью, домовичок лихо соскочил с одного сундука, приоткрыл крышку другого и выудил из его недр красивый синий платок, сплошь расшитый красной шелковой нитью.

– Под цвет твоих очей, – довольно ухмыльнулся нечисть, передавая мне убор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.